

Константин Поповский

Лили Марлен

Пьесы для чтения

The lower half of the book cover features a close-up, vertical view of red theater curtains. The curtains are dark red with lighter red highlights where the folds catch the light, creating a rhythmic pattern of vertical lines.

16+

Константин Маркович Поповский

Лили Марлен.

Пьесы для чтения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42652343

SelfPub; 2019

Аннотация

"Современная отечественная драматургия предстает особой формой «новой искренности», говорением-внутри-себя-и-только-о-себе; любая метафора оборачивается здесь внутрь, но не вовне субъекта. При всех удачах этого направления, оно очень ограничено. Редчайшее исключение на этом фоне – пьесы Константина Поповского, насыщенные интеллектуальной рефлексией, отсылающие к культурной памяти, построенные на парадоксе и притче, связанные с центральными архетипами мирового наследия". Данила Давыдов, литературовед, редактор, литературный критик.

Содержание

Лили Марлен	4
Пролог	5
Часть первая	18
Часть вторая	119
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Лили Марлен

Пьеса в двух частях с прологом и эпилогом

Действующие лица:

Орфей

Эвридика

Профессор, *он же* – Хозяин пансиона

Отец

Вергилий

Рейхсканцлер, *он же* – Аид

Первая Эриния, *она же* – Персефона, *она же* – Уборщица

Вторая Эриния, *она же* – посудомойка

Третья Эриния, *она же* – Официантка

Фрау Дитрих, *она же* – Смерть

Правила

Посетитель

Полицейский

Пролог

Возможно, действие пьесы происходит в годы Второй мировой войны в одном из европейских городов во время немецкой оккупации. Впрочем, с равным успехом, оно может происходить в любое другое время и в любом другом месте.

На сцене – зал небольшого кафе. Легкие, накрытые скатертями столики, дешевые плетеные стулья. На стенах – несколько дешевых пейзажей. От правой и левой кулисы поднимаются вверх, – на нависающий над залом просторный балкон, – две лестницы с простыми перилами. В глубине балкона расположены четыре или пять дверей; они наводят на мысль о пансионе или небольшой гостинице.

Справа, в глубине зала, под лестницей – застекленная до половины дверь, которая ведет на улицу. Под левой лестницей – буфетная стойка; рядом с ней – занавешенный вход в посудомоечную. Чуть дальше – узкая дверь, за которой живут Правила. Еще одна дверь с надписью «Администрация» расположена у левой кулисы, ближе к авансцене.

Вечер. За единственным большим окном, завешанным тюлевой шторой, угадывается плохо освещенная улица.

В кафе всего два посетителя: Эвридика, – с безучастным видом она сидит у окна, – и Посетитель, который читает газету за соседним столиком. Его желтый плащ брошен

на спинку стула.

После открытия занавеса – долгая пауза, в продолжение которой на балконе появляется Уборщица, которая не спеша начинает протирать пол шваброй. Одновременно в глубине зала возникает Официантка; она сдерживает со столов скатерти, встряхивает их и складывает на один из стульев, затем протирает стол. Из посудомоечной, время от времени, доносится звон посуды.

Внезапно гаснет верхний свет и кафе погружается в полумрак.

Посетитель (отложив газету и повернувшись к Эвридику): Кажется, нам дают понять, что мы здесь лишние. (Некоторое время молча смотрит на Эвридику, негромко). Вам это не кажется немного странным? Все давно ушли и остались только мы с вами. Вы и я. А ведь, пожалуй, это можно было бы назвать судьбой. Не правда ли?

Эвридика молчит. Короткая пауза.

Только не говорите мне, пожалуйста, что вы не верите в судьбу и что все это простая случайность, которой могло бы не быть. Раз уж что-то случается, то наверняка не напрасно.

Эвридика (негромко, не поворачивая головы): Я не верю в судьбу, мсье.

Посетитель: Нет?.. Как интересно... Ну, тогда, наверное,

вы верите в Бога... Что ж, разница, в общем-то, невелика. В конце концов, каждый из нас во что-нибудь, да верит. Один в Бога, другой в судьбу, а третий в непререкаемый гений нашего фюрера... Он вам нравится?

Эвридика: Кто?

Посетитель: Конечно, наш фюрер, мадемуазель.

Эвридика: Боюсь, что не так сильно, как суп из омаров, мсье.

Некоторое время Посетитель сидит молча, затем рассмеявшись, грозит Эвридике пальцем. Та, по-прежнему, не смотрит в его сторону. Короткая пауза.

Посетитель: И все-таки я уверен, что мы встретились с вами не случайно. Бог или судьба, какая, в сущности, разница для людей, которые, положив руку на сердце, не очень-то хорошо понимают, что это такое?

Эвридика (*по-прежнему не поворачивая головы*): Кажется, мсье все же решил за мной приударить?

Посетитель: О, мадемуазель... Надеюсь, это не станет причиной для обиды, мадемуазель?

Эвридика: Нет, мсье. (*Поворачивая голову и в упор глядя на Посетителя*). Приятный полумрак, бокал красного вина, одинокая женщина напротив, — мало кто устоял бы на вашем месте... Только не говорите, что вы от меня без ума с первого взгляда.

Посетитель: Боюсь, это именно то, что я как раз соби-
рался вам сказать.

Официантка: Закрываемся.

Посетитель (*сердито*): Уже уходим. (*Эвридике*). Вы мне
позволите проводить вас?

Эвридика негромко смеется.

Разве я сказал что-нибудь смешное?

Эвридика: Ах, ну, конечно же, я вам позволю, мсье. Тем
более что мы с вами уже пришли. (*Махнув рукой в сторо-
ну балкона, не оборачиваясь*). Видите вон ту крайнюю дверь
слева?.. Это мой номер, мсье. Я там живу.

Посетитель (*нисколько не удивившись, рассматривая
балкон*): Это что – пансион?

Эвридика: Можно сказать и так.

Посетитель: И вы здесь живете?

Эвридика: Увы, мсье. (*Поднимаясь со своего места*). Как
видите, я уже дома.

Посетитель (*ничуть не огорченно*): Я раздавлен. Просто
раздавлен.

Эвридика (*насмешливо*): Смиритесь, мсье. Наверное, это
судьба.

Посетитель (*поднимаясь*): Похоже на то. (*Быстро*). А
как вы думаете, нет ли какого-нибудь способа с ней догово-
риться?

Эвридика: Думаю, что нет, мсье. (*Идет к лестнице, на ходу*). На вашем месте я бы поторопилась, чтобы успеть до комендантского часа.

Посетитель (*бросаясь вслед за Эвридикой*): Погодите... Ну, погодите же, мадемуазель. Мне кажется, у меня возникла одна очень хорошая идея.

Эвридика останавливается, поднявшись на первую или вторую ступеньку лестницы, и медленно поворачивается к Посетителю.

(*Почти застенчиво*). Знаете... Отчего бы вам не пригласите меня в гости? (*Поспешно*). Нет, нет, ничего такого... Чашка чая, приятная беседа. Я уверен, что мог бы рассказать вам много интересного.

Эвридика без выражения смотрит на Посетителя. Короткая пауза, в продолжение которой на сцене появляется Хозяин пансиона. Он выходит из левой двери и останавливается на авансцене, слушая дальнейший разговор.

Мне кажется, мы могли бы прекрасно провести вечер.

Эвридика (*холодно*): Как-нибудь в следующий раз, мсье. (*Повернувшись, хочет уйти*).

Посетитель: Нет, погодите, прошу вас. Всего только одну минуту. (*Торопливо*). Хотите знать, что я прочел в сего-

дняшней газете? Это черт знает что, мадемуазель! Двадцать тысяч человек гибнет в год под колесами машин. Это двадцать тысяч человек, мадемуазель.

Остановившись, Эвридика вновь оглядывается.

А еще двадцать тысяч погибает от рук убийц и грабителей. Знаете, что это значит?

Эвридика *(без выражения)*: Да, мсье.

Посетитель: Совершенно верно. Это значит, что следующего раза может и не быть.

Эвридика: Да, мсье. *(Внимательно смотрит на собеседника, негромко)*. А ведь я вас знаю. То есть, я хотела сказать, что уже где-то вас видела. *(Вспоминая)*. Это лицо... И плащ... Вот только не могу вспомнить, где это я могла вас видеть.

Посетитель: Может быть, во сне?

Официантка: Закрываемся.

Посетитель *(неожиданно грубо)*: Да, да, да! Уже уходим!

Эвридика: О, я, кажется, вспомнила... Нет, в самом деле. Вы были сегодня на дневном сеансе в «Неаполисе». Сидели рядом со мной и шуршали какой-то едой. Ведь это были вы?

Посетитель: Оказывается, у вас очень хорошая память, мадемуазель. Но, к сожалению, это был не я.

Эвридика: А на вокзале? Там тоже были не вы? Возле

остановки такси, где вы ругались с полицейским? Вы так кричали и размахивали руками, как будто он украл у вас бу-
мажник... Интересно, что вы с ним не поделили?

Посетитель: Клянусь вам, мадемуазель...

Эвридика (*перебивая, со смехом*): У него было такое ли-
цо, словно он сейчас упадет в обморок!

Хозяин (*вмешиваясь в разговор*): В этом нет ничего уди-
вительного, мадемуазель. (*Подходя ближе*). Ничего удиви-
тельного... Ведь этот господин сам работает в полицейском
комиссариате.

*Официантка и Уборщица перестают работать и, вы-
прямившись, смотрят на Посетителя.*

Посетитель (*ничуть не смутившись, насмешливо*): Да,
что вы говорите!

Эвридика (*безучастно*): Это правда?

Хозяин (*невозмутимо*): Конечно, мадемуазель. У него
трое детей, жена неплохо готовит, в юности писал стихи. А
главное, у него есть интересная работа, которую он просто
обожает. (*Медленно идет по сцене*). Знаете, чем он занимает-
ся? Довольно чистая работа, если судить по нынешним вре-
менам. Выслеживает евреев, которым пришлось в голову укло-
ниться от регистрации. (*Остановившись, Эвридике*). Но вы
ведь не еврейка, милая барышня? Вам ведь нечего бояться?
Верно?

Эвридика (*тихо*): Да. Мне нечего бояться.

Хозяин (*Посетителю*): Вот видите. Оказывается, на свете еще встречаются люди, которым совершенно нечего бояться. Ну, разве что, только самих себя, а это, как вы понимаете, как правило, не наказуемо.

Эвридика (*Хозяину*): Спокойной ночи. (*Повернувшись, медленно идет вверх по лестнице*).

Хозяин: Спокойной ночи, мадемуазель.

Эвридика (*на мгновение остановившись и обернувшись, негромко и без выражения*): Такой симпатичный молодой человек. (*Открыв ключом дверь, скрывается в своей комнате*).

Посетитель смотрит вверх на Эвридику, пока за ней не захлопывается дверь, затем молча снимает со спинки стула свой плащ и надевает его. Короткая пауза.

Хозяин (*добродушно*): Приходите-ка вы лучше завтра. Часиков этак в десять. И можете быть уверены, что вы всегда найдете здесь крепкий кофе, хорошо прожаренный бекон и радушный прием.

Посетитель неторопливо застегивает плащ, затем берет со стула широкополую шляпу. Хозяин смотрит на него с едва заметной улыбкой. Короткая пауза.

Посетитель (*надевая шляпу*): Вы сказали, в десять, мсье?

Хозяин: Да, мсье... Лучше в десять.

Посетитель: Спасибо за приглашение. (*Идет к двери*).

Хозяин (*в спину уходящему*): Если позволите, мсье...

Посетитель оборачивается.

(*Помедлив, негромко*). Простите мое любопытство, но мне почему-то всегда хотелось узнать... (*Подходит ближе, понизив голос*). Сколько вам платят за каждого незарегистрированного? Ведь у вас сдельная оплата, верно?

Улыбаясь, Посетитель молча смотрит на Хозяина. Пауза.

Ну, хотя бы примерно, так сказать в общих чертах...

Посетитель продолжает молча улыбаться.

(*После небольшой паузы*). Понимаю, мсье. Служебная тайна. В таком случае, не смею вас больше задерживать.

Посетитель исчезает. Хозяин какое-то время смотрит на закрывшуюся за ним дверь.

(*Беззлобно*). Дурак. (*Повернувшись к официантке, холод-*

но). Надеюсь, вы уже закончили?

Официантка: Да, герр профессор.

Хозяин: Тогда зовите всех и приступайте. Да поживее, пожалуйста.

Подхватив сложенные скатерти, Официантка поспешно скрывается в посудомоечной.

(Уборщице). Ты слышала, что я сказал?

Уборщица: Сию секунду, герр профессор.

Хозяин (*угрожающе*): Время! Время! Время!.. У вас пять минут, чтобы все привести в порядок!

Уборщица (*поспешно спускаясь по лестнице*): Мы прекрасно успеваем, господин профессор. Даже не сомневайтесь. (Остановившись возле двери, которая находится рядом с входом в посудомоечную, громко стучит в нее, одновременно косясь на хозяина, который остановился перед дверью с надписью «Администрация», наблюдая за ее действиями). Господа Правила! (Прислушивается). Господа Правила! Время!

Хозяин: Пять минут! (*Скрывается за дверью*).

Сразу вслед за его уходом, из посудомоечной показываются Официантка и Посудомойка.

Уборщица: Господа Правила! Пожалуйста, откройте.

(*Официантке и Посудомойке*). Ну, видели? Спят, как убитые.

Официантка (*подходя*): Дай-ка я. (Подняв подол, изо всех сил стучит в дверь ногой).

Голоса из-за двери: «Идем, идем». Дверь распахивается, выпуская одного за другим пять Правил.

Первое Правило (*сонно*): Охота же вам стучать, словно на пожар.

Второе Правило (*так же сонно*): В самом деле, барышни. Нехорошо. Ей-Богу, нехорошо. (*Зекает*).

Уборщица: На вашем месте, я бы поторопилась.

Третье Правило (*кивнув на дверь, за которой скрылся хозяин, негромко*): У себя?

Официантка: А вы, как думаете?

Четвертое Правило: А без нас что – никак? (*Зекает*).
Могли бы, кажется, и сами справиться.

Посудомойка: А вы это скажите господину профессору.

Уборщица (*с достоинством*): Не забывают, что мы все-таки Эриннии, господа Правила.

Пятое Правило (*сонно*): Мы вроде как тоже не чернорабочие. (*Зекает*).

Официантка (*возмущенно фыркнув*): Ну, знаете!..

Голос Хозяина из-за двери: «Пять минут!». Официантка

и Посудомойка бросаются к лестнице.

Уборщица (*Правилам, шепотом*): Я вас, кажется, предупредила. (*Убегает вслед за остальными*).

Все трое быстро поднимаются по лестнице и скрываются за одной из дверей. Короткая пауза. Правила озираются по сторонам.

Первое Правило: Ну, с Богом, что ли?

Второе Правило: С Богом.

Третье Правило (*зевая во весь рот*): С Богом, братцы.

Правила принимаются за работу. Они выносят столы и стулья, опускают на окне плотные жалюзи, задерживают занавеску на входной двери, снимают со стен картины, время от времени, нарушая молчание возгласами «Поберегись», «Посторонись», «Дай пройти». Скоро перед зрителем оказывается пустой, слабо освещенный просторный зал без каких-либо признаков мебели. В центре его застыли четыре Правила, которые растерянно озираются по сторонам, словно ожидая увидеть что-то страшное. Пятое Правило медленно идет по сцене, подбирая бумажки и насвистывая мелодию «Лили Марлен». Пауза.

Первое Правило (*оглядываясь, свистящему Правилу,*

негромко): Перестань.

Пятое Правило: Что?

Первое Правило: Я сказал, перестань... (*Оглядываясь по сторонам*). Каждый раз, когда я это вижу, мне становится не по себе.

Второе Правило: Что и говорить. Хорошего мало.

Пятое Правило: В конце концов, это ведь ненадолго.

Первое Правило: Тш-ш-ш... (*Сердито*). Не надолго... Да, кто это знает?

Третье Правило: Вот именно.

Четвертое Правило (*вполголоса*): Пойдемте, господа.

Пятясь и оглядываясь, Правила скрываются за своей дверью.

Сцена пуста. Пролог закончился. Длинная пауза, которая постепенно перерастает в Первую часть пьесы, где Хозяин пансиона окончательно превращается в Профессора, а Официантка, Посудомойка и Уборщица становятся Эриниями.

Часть первая

Профессор (*появляясь в дверях, нетерпеливо*): Время! Время! Время!.. Поторопитесь, если не хотите неприятностей.

На сцене вновь появляются Правила. Теперь они тщательно причесаны и одеты в одинаковые темно-синие пиджаки с большими металлическими пуговицами.

Попрошу поторопиться, господа. Веселее! Веселее! Кажется, пора бы уже и самим немножко соображать, господа Правила!..

Правила мнутя.

(*Сердито*). Ну? Что мы ждем? Особого приглашения?

Правила поспешно исчезают за той же дверью, из-за которой они только что появились.

(*Вполголоса, но достаточно громко, чтобы его слышали*).
Лентяи!

Короткая пауза. На сцене появляются Первое и Второе Правила, которые вносят на сцену длинный стол. Следом за ними, со стульями в руках, появляются остальные Правила.

(Отходя в сторону, чтобы не мешать). Ставьте в центр. (Кричит куда-то вглубь сцены). Включит, наконец, кто-нибудь свет!

Зажигается яркий, но какой-то холодный, казенный свет. Первое и Второе Правила ставят стол посередине зала, торцом к зрителям. Остальные Правила подходят со стульями.

(Оценивающе оглядев стол). Чуть ближе к стене.

Первое и Второе Правила отодвигают стол. Третье и Четвертое Правила расставляют принесенные стулья.

Так. Хорошо... Где кресло господина рейхсканцлера?

Первое и Второе Правила исчезают. Из-за буфетной стойки на инвалидной коляске выкатывается Отец. На его коленях небольшая ваза с искусственными цветами. Подкатив к столу, он ставит на него вазу и быстро отъезжает в сторону, оценивающе оглядывая свою работу. Заметив

это, Профессор подходит к столу, берет вазу и возвращает ее Отцу.

(Холодно). Я, кажется, предупреждал всех – ничего лишнего.

Отец *(горячо)*: Но, послушайте, герр профессор. Ведь должен же быть хоть какой-то уют!

Профессор *(холодно)*: Нет. *(Отходит)*.

Появляются Первое и Второе Правила с креслом.

Сюда. (Показывает место возле стола).

Первое и Второе Правила ставят кресло и уходят. Отец с недовольным видом отъезжает в сторону.

Профессор: Часы.

Третье, Четвертое и Пятое Правила срываются с места и исчезают. Короткая пауза.

Отец: Ничего особенного. Просто небольшая, красивая ваза, от которой веет домашним уютом...

Профессор *(не дослушав)*: Я сказал – нет.

На балконе появляются три Эринии. Теперь они одеты

в одинаковые строгие костюмы, в волосах – большие белые наколки. Некоторое время они стоят, о чем-то перешептываясь, затем старшая из них, – дородная дама бальзаковского возраста – начинает медленно спускаться вниз по лестнице. Одновременно, появляются Третье, Четвертое и Пятое Правила, которые несут тяжелые напольные часы в деревянном футляре.

(Правилам). Ставьте прямо по центру... Так. Чуть левее... Вот теперь хорошо. *(Заметив подходящую Эринию, холодно).* Вы не знаете, чем вам заняться?

Третье, Четвертое и Пятое Правила уходят.

Эриния: Нам не на чем сидеть, герр профессор.

Профессор: В самом деле? *(Насмешливо оглядев Эринию).* А мне почему-то кажется, что как раз с этим у вас все более или менее в порядке.

Отец негромко хихикает.

Эриния *(с достоинством):* Извольте, пожалуйста, позаботиться, чтобы нам немедленно принесли стулья.

Профессор: Уже лечу. *(Кричит в сторону открытой двери).* Стулья для Эриний! *(Повернувшись к Эринии, ядовито).* Только, пожалуйста, постарайтесь, не продавить их. А

когда будете есть пирожные, я просто умоляю вас, не вытирайте об обивку руки. На это есть салфетки.

Эриния: Если вы избавите нас от ваших казарменных острот, герр профессор, то мы будем вам за это очень признательны. *(Повернувшись, с достоинством идет к лестнице)*.

Кривляясь, Профессор передразнивает походку Эринии. Появляются Третье и Четвертое Правила со стульями.

Профессор *(Третьему и Четвертому Правилам)*: Туда. *(Показывает на балкон; тихо, в сторону поднимающейся по лестнице Эринии)*. Дура.

Отец: Вы что-то сказали, герр профессор?

Профессор *(громко и раздраженно)*: Я сказал – ничего лишнего!

Третье и Четвертое Правила поднимаются на балкон и расставляют там стулья.

Отец *(подъезжая ближе, немного обижен)*: И все-таки, герр Профессор. Обратите внимание на то, сколько здесь пустого пространства. *(Показывает на стены)*. Мы могли бы повесить здесь какую-нибудь картину. Пейзаж или что-нибудь батальное. В конце концов, господин Рейхсканцлер обожает искусство.

Эринии рассаживаются на балконе.

Профессор (*повернувшись к Отцу, голосом, который не предвещает ничего хорошего*): Послушайте меня, господин бумагомаратель. Что бы вы сказали, если бы я стал совать свой нос в ваши бумаги и советовать, как вам лучше расставлять знаки препинания?.. Давайте условимся. Каждый занимается своим делом и не мешает другим. Раз и навсегда.

Отец (*растерян*): Но почему же? Я, например, всегда готов прислушаться к дельному совету, от кого бы он ни исходил.

Профессор: А я нет. (*Отходит, вынимая из кармана мятую тетрадь*).

Третье и Четвертое Правила уходят.

(*Бормочет, открыв тетрадь*). Стол, четыре стула... Так. Часы. Три стула наверх... Кресло рейхсканцлера. Вешалка... (*Подняв голову*). Где вешалка? (*Кричит*). Живо несите вешалку, лентяи!

Первое и Второе Правила убегают и почти сразу возвращаются с вешалкой. Короткая пауза.

Туда, к двери. (*Показывает на застекленную дверь*). Бли-

же. Еще ближе... Вот так.

Правила уходят. Профессор вновь заглядывает в свою тетрадь и в это время раздается звон дверного колокольчика. Профессор и Отец одновременно поворачиваются к застекленной двери. Эринии бросаются к перилам балкона. Из дверей выглядывают встревоженные лица Правил.

(Бормочет). Что такое?.. Для него, пожалуй, еще рановато. *(Ни к кому особо не обращаясь).* Кто это?

Одно из Правил *(шепотом)*: Мы не знаем, герр профессор.

Профессор: Как раз в этом я нисколько не сомневаюсь, болваны. *(Смолкает, продолжая смотреть на дверь).*

Застекленная дверь открывается, впустив в зал господина Вергилия.

Вергилий: Здравствуйте, господа. *(Проходя).* Здравствуйте господин профессор. *(Беззаботно).* Надеюсь, я не очень опоздал?

Профессор *(сухо)*: Здравствуйте.

Отец *(подъезжая)*: Здравствуйте, господин Вергилий.

Вергилий: Здравствуйте, здравствуйте... *(Подняв голову).* Госпожи Эринии...

Эринии *(хором)*: Добрый вечер, господин Вергилий.

Вергилий: Добрый вечер, добрый вечер... (*Расстегивая пальто*). На улице страшная слякоть. Но, слава Богу, нет дождя. (*Снимая пальто и, одновременно, оглядываясь по сторонам*). Я вижу, что у вас уже все готово. Чудесно, чудесно... Мне нравится. (*Идет к вешалке, чтобы повесить свое пальто, после чего возвращается в центр сцены*).

Небольшая пауза.

(*Осторожно, Профессору, который демонстративно погрузился в свою тетрадь*). Как наши успехи, герр Профессор? Надеюсь, ничего чрезвычайного?

Профессор (*подняв голову, хмуро*): Если вы хотите знать, что украшает мужчину, господин Вергилий, то я вам с удовольствием отвечу. В первую очередь, это ответственность и пунктуальность. Вспомните об этом, когда вам вздумается опоздать в следующий раз.

Вергилий (*легко*): О, я обязательно учту это, господин профессор.

Профессор: Уж сделайте такую милость. (*Громко*). Кстати, это относится ко всем здесь присутствующим.

Первая Эриния (*немного ехидно*): Наверное, вы забыли, герр профессор. Слава Богу, мы не мужчины.

Профессор: Но это еще не повод считать вас женщинами. (*Презрительно фыркнув, возвращается к своей тетради*).

Эринии оскорбленно отходят от перил. Сразу вслед за этим на балконе показывается Эвридика. Теперь на ней белое короткое платье. Простая прическа. Она медленно спускается по лестнице и, не доходя до конца, останавливается.

Вергилий (который первый увидел ее, ласково, с поклоном): Добрый день, барышня.

Эвридика: Здравствуйте, господин Вергилий.

Профессор (обернувшись): Это еще кто?

Вергилий: Это наша милая Эвридика... Мне кажется, вам давно пора купить себе, новые очки, герр профессор.

Профессор (сухо): Вас, кажется, никто не спрашивает. (Эвридике, грубо). Ну? Что тебе?

Эвридика: Я только хотела спросить, что мне лучше надеть во время первого выхода? Может быть, вот это?

Профессор: Вот это?.. (Подходя ближе). Хочешь знать, подойдет ли тебе это платье? (Негромко). Если тебя интересует мое мнение, деточка, то я думаю, что лучше всего тебе подошел бы саван. (Презрительно смеется, оглядывая присутствующих, словно приглашая их посмеяться вместе с ним).

Короткая пауза. Слышно хихиканье Правил, доносящееся из-за двери.

(Оборвав смех, холодно). Интересно, сколько еще раз я должен повторять одно и то же? (*Ледяным голосом*). Это не имеет никакого значения, понятно?.. Ровным счетом никакого значения, потому что наша пьеса не об этом. Ты поняла?

Эвридика: Да, герр профессор.

Профессор: Слава Богу... А теперь пошла вон. (*Сквозь зубы, едва слышно*). Вон!

Повернувшись, Эвридика медленно идет вверх по лестнице.

(*Бормочет, вновь открывая тетрадь*). Скажите, пожалуйста... Что ей лучше одеть!.. (*Негромко*). Шлюха.

Вергилий: Похоже, господин профессор опять сегодня не в духе.

Профессор (*глядя в тетрадь*): Если бы я был не в духе, господин Вергилий, то вы ставили бы сейчас вашу жалкую пьесу в каком-нибудь вшивом провинциальном театре и ютились бы в какой-нибудь жалкой конуре за десять марок, безо всякой надежды на будущее.

Вергилий (*с легким поклоном, слегка насмешливо*): Можете быть уверены в моей искренней признательности, господин режиссер. (*Проводив взглядом Эвридику, которая, поднявшись по лестнице, скрывается за дверь, негромко*).

И все-таки интересно... За что вы так не любите нашу девочку?

Профессор молчит, листая тетрадь.

Неужели только за то, что она ни во что не ставит ваши режиссерские таланты и все время норовит все сыграть по-своему?.. Господи, герр профессор, да, неужели же только за это?

Профессор (*не отрываясь от тетради, холодно*): Как-вы бы ни были мои режиссерские таланты, господин Вергилий, они даже отдаленно не напоминают ту стряпню, которую мне приходится ставить сегодня благодаря вам.

Вергилий (*немного задет*): А вот это уже неправда. Весь мир знает, что пьеса удалась. (*Эриниям*). Госпожи Эринии. Скажите хоть вы ему.

Эринии делают вид, что не слышат.

(*Настойчиво*). Госпожи Эринии!

Первая Эриния (*мягко*): Мы, все-таки, не критики, господин Вергилий.

Вергилий (*упрямо*): Вовсе не надо быть критиком, чтобы увидеть, что пьеса удалась.

Профессор: То-то вы вечно норовите выбросить ее в корзину. (*Спрятав тетрадь в карман, кричит, повернув-*

ишь к Вергилию спиной). А теперь попрошу всех уделить мне немного внимания!.. Господа Правила! Попрошу всех на сцену!

Из-за двери торопливо выходят один за другим все пять Правил.

(Укоризненно). Господа Правила...Черт бы вас побрал. Ну, посмотрите, на кого вы похожи. *(Злобно)*. Немедленно приведите себя в порядок...

Правила поспешно застегивают пиджаки и приглаживают волосы. Короткая пауза.

(Раздраженно). Ну, хватит, хватит... Довольно... Все помните?

Третье Правило *(с обидой)*: Да, что вы, герр профессор! Ей-Богу, ведь не в первый же раз.

Профессор *(с угрозой)*: Смотрите у меня... *(Отступив назад и подняв голову, Эриниям)*. Эй, наверху! Готовы?.. Может, подойдите, наконец, чтобы я вас видел?

Эринии подходят к перилам балкона.

Ничего не забыли?

Первая Эриния *(с достоинством)*: Мы Эринии, герр

профессор. Помним даже то, чего никогда не было.

Профессор: Лучше бы вы почаще вспоминали то, что было... Где госпожа кормилица?

Вторая Эриния: У себя в комнате.

Профессор: Позовите.

Вторая Эриния: Она спит, герр профессор.

Профессор (*кричит*): Так разбудите ее!

Одна из Эриний поспешно направляется в комнату кормилицы.

(Сквозь зубы). Неповоротливые фурии... (*В раздражении шагает по сцене*).

Короткая пауза.

(*Остановившись, громко*). Неповоротливые фурии!

Отец (*с сочувствием*): Премьера, господин профессор. Все нервничают, волнуются и делают глупости.

Профессор (*сердито*): Чушь! Этой премьере скоро исполнится шесть тысяч лет. (*Обращаясь к стоящим на балконе Эриниям*). Долго еще прикажите мне ждать?

Фрау Дитрих (*появляясь на балконе вместе с Эринией, которая поддерживает ее за локоть; старческий дребезжащий голос*): Уже иду. (*Подойдя к перилам*). Здравствуйте, господин профессор.

Профессор (*строго*): Госпожа Дитрих...

Фрау Дитрих: Что такое, герр профессор?

Профессор (*громко*): Госпожа Дитрих! Я действительно и серьезно хочу просить вас не покидать вашу комнату до тех пор, пока к вам не постучат. (*Кричит*). Пока к вам не постучат!.. Слышите? В вашу дверь!.. В прошлый раз вы вылезли в самый неподходящий момент и чуть было не испортили нам весь спектакль.

Фрау Дитрих: Что-то не так, господин профессор?

Профессор (*повышая голос*): Вы слышали, что я вам сказал? Сидите в своей комнате и ждите, когда вас позовут.

Фрау Дитрих: О, пусть господин профессор не волнуется. Когда будет мой выход, все останутся довольны.

Профессор (*ядовито*): Не сомневаюсь. А пока, пожалуйста, идите в свою комнату.

Фрау Дитрих (*воодушевленно*): Я старая актриса, господин профессор, и хорошо знаю, что хочет публика. (*Хочет продолжать*).

Профессор (*нетерпеливо*): Да, да, да. Мы все знаем, что хочет публика, хоть она сама никогда этого не знает. (*Делает знак Эринниям, чтобы они увели фрау Дитрих*).

Подхватив Фрау Дитрих под руки, две Эриннии уводят ее.
(*Повернувшись к Отцу*): Господин лауреат...

Отец быстро подъезжает ближе.

Пожалуйста, господин лауреат, обойдитесь сегодня без лишнего пафоса. Он вам не к лицу. Вы человек холодный, даже бессердечный, так и будьте, пожалуйста, самим собой. *(Резко)*. Что?

Отец *(подавлен)*: Я ничего не сказал, герр профессор...

Профессор: Вот и отлично. Будьте, пожалуйста, самим собой и больше ничего... Легкая беседа, ни к чему не обязывающие реплики. Большого от вас никто ничего не требует. *(Почти грубо, в упор глядя на Отца)*. Хотите мне что-то сказать?

Отец *(быстро)*: Да. *(Подавлено)*. Нет.

Профессор: Вот и прекрасно. *(Повернувшись к Вергилию)*. Что же касается вас, господин Вергилий...

Вергилий делает вид, что он весь внимание.

(Почти брезгливо). Только, пожалуйста, оставьте при себе это ваше вечное «нет». У меня на него аллергия. *(Сердито)*. Да, представьте себе. Я чешусь, кашляю, у меня плохое настроение. Сны замучили. Научитесь, наконец, говорить «да». Хотя бы изредка. Да. Да. *(Кричит)*. Да!

Вергилий *(чуть выждав, вежливо)*: Нет.

Пауза.

Профессор: Послушайте, если вы опять думаете кого-нибудь удивить, то, уверяю вас, вы избрали для этого не самый лучший способ... Скажите мне, наконец, чего вы добиваетесь? Морального удовлетворения?

Вергилий молча улыбается.

Я вас спрашиваю, чего вы добиваетесь?

Вергилий: Вы прекрасно это знаете, господин профессор.

Профессор: Неужели? (Смолкнув, в упор смотрит на Вергилия).

Короткая пауза.

(*Негромко*). Знаете, что, господин Вергилий? Если вы снова решили взяться за старое, то я не желаю даже слушать эти глупости.

Вергилий (*негромко*): И все-таки, хотите вы этого или нет, господин профессор, но в один прекрасный день это случится.

Профессор (*перебивая, резко*): Нет.

Вергилий: Обязательно, господин профессор.

Профессор (*ледяным голосом*): Можете быть на сей счет совершенно спокойны, господин рифмоплет. Ни завтра, ни через тысячу лет... (*Сдерживая раздражение, отходит в*

сторону). Никогда!

Вергилий (*негромко, без выражения*): В один совершенно обыкновенный и ничем не примечательный денек, который будет похож на все прочие, как две капли воды.

Первая Эриния (*с мягким укором, негромко*): Господин Вергилий. Будет вам...

Короткая пауза.

Профессор (*язвительно*): Ничего, ничего... Если господину Вергилию нравится витать в облаках, это его личное дело. К счастью, мы живем в мире, где на одного сумасшедшего приходится десять миллионов относительно здравомыслящих людей, в чем совсем нетрудно убедиться. (*Повернувшись к Правилам, сердито*). Господа Правила!

Правила робко выступают вперед.

Объясните, пожалуйста, этому господину, как следует себя вести человеку, чтобы в один прекрасный день не оказаться в дураках.

Правила мнутя.

Ну, смелее, смелее, дармоеды.

Первое Правило: Фюрер всегда прав.

Профессор (*нетерпеливо*): Дальше!

Второе Правило: Не подходи близко к краю.

Профессор: Дальше!

Третье Правило: Всегда радуйся.

Профессор (*нетерпеливо, четвертому Правилу*): Дальше! Дальше!

Четвертое Правило: Стучите, и отворят вам.

Профессор: Что такое?

Четвертое Правило: Извините, герр профессор. Я хотел сказать: стучите там, где вам отворят.

Профессор: Смотри у меня. (*Смотрит на Пятое правило*).

Пятое Правило (*поспешно*): Случившееся – случилось.

Профессор: Вот именно. (*Вергилию*). И при этом, спешу обратить ваше внимание, господин упрямец, – случилось раз и навсегда.

На буфетной стойке звенит телефон.

(*Не обращая внимания на звонки*). Раз и навсегда, господин фантазер... (*Эриниям*). Не правда ли, госпожи блюстительницы?

Первая Эриния: Совершенно верно, герр профессор. Раз и навсегда.

Телефон звонит.

Профессор (*подняв телефонную трубку*): Алло. Да. Я слушаю... Да, да, да... (*После короткой паузы*). С нетерпением ждем. (*Повесив трубку, обращаясь ко всем*). К сожалению, господин Рейхсканцлер, как всегда, немного задерживается. (*Остановившись в центре сцены, негромко*). Будем начинать, господа. (*Сердито*). И, пожалуйста, умоляю вас, никакой отсебятины. (*Правилам*). Вы меня поняли, господа Правила?

Первое Правило: Так точно, герр профессор.

Профессор: Смотрите у меня.

Отец (*быстро подъезжая, тревожным шепотом*): Герр Профессор, герр Профессор...

Профессор: Ну, что еще?

Отец (*волнуясь*): Он идет. Идет... Я чувствую, что он уже где-то совсем близко... Слышите? (*Смолкнув, указывая рукой в сторону входной двери*).

Короткая пауза. Сначала тихо, потом громче раздается мелодия песни «Лили Марлен». Все присутствующие замирают, прислушиваясь. Небольшая пауза.

Профессор (*негромко*): Что ж, господа. За работу.

Первое Правило (*Правилам, негромко*): Начинаем, господа.

Первая Эриния (*Эриниям*): Госпожи блюстительницы...

Присутствующие начинают молча расходиться. Скрываются в своей комнате Эринии. Вергилий, поднявшись на балкон, исчезает за одной из дверей; уходят Правила. Отец, пятась, медленно въезжает в посудомоечную.

Профессор: *Может быть, кто-нибудь все-таки догадается выключить свет?.. (Быстро подойдя к выключателю, сквозь зубы). Идиоты... (Щелкнув выключателем, скрывается за дверью с надписью «Администрация»).*

Сцена погружается во мрак. Едва освещенными остаются только балкон и небольшое пространство справа, где над буфетной стойкой продолжает гореть небольшая лампа. Мелодия «Лили Марлен» делается глуше. Долгая пауза, в продолжение которой на балконе появляется одна из Эриний. Щелкнув зажигалкой, она закуривает и остается стоять, облокотившись о перила. Через какое-то время на сцене появляется Отец. Он бесшумно подкатывает на своей коляске к входной двери и несколько мгновений напряженно прислушивается. Затем, развернувшись, едет назад и останавливается посередине зала.

Отец (Эринии, громким шепотом): *Никого?*

Эриния молчит.

(Почти разочарованно). Никого... (Помолчав). Но я чувствую, что он уже где-то совсем недалеко... (Прислушиваясь). Слышите?

Эриния молча пускает сигаретный дым. Мелодия «Лили Марлен» становится громче.

(Отъезжая, сам себе). Совсем недалеко... (Вновь повернувшись к Эринии). Господину профессору может не понравиться, что вы здесь курите.

Эриния ничего не отвечает. Короткая пауза.

Ну, как знаете. (Медленно едет к стойке).

Неожиданно громко звякает дверной колокольчик. Отец быстро исчезает за буфетной стойкой. Эриния, потушив сигарету, скрывается в своей комнате. Сцена пуста. Стихает мелодия песенки. Пауза. Вновь раздается звяканье колокольчика.

Эвридика (появляясь на балконе и набрасывая халат на ночную рубашку): Иду... (Быстро сбегает по ступенькам и идет к входной двери).

Колокольчик нерешительно звенит в третий раз.

Иду, иду. *(Открыв дверь, впускает в зал звонившего).*

Это – Орфей. На нем солдатская шинель, в руке небольшой солдатский чемоданчик.

Орфей *(входя)*: Простите, мадемуазель...

Эвридика: Ничего страшного.

Орфей: Я, кажется, вас разбудил. Не думал, что сейчас так поздно.

Эвридика: Ничего, мсье. Здесь ложатся рано, мсье.

Орфей: Простите меня.

Эвридика: Нет, нет, ничего страшного, мсье.

Орфей: Наверное, это из-за комендантского часа?

Эвридика: Да, мсье. Сначала все были очень недовольны, а потом привыкли и стали ложиться рано. Как говорится, во всяком неудобстве есть свои положительные стороны... Хотите снять комнату?

Орфей: Да. Случайно заметил на двери ваше объявление «Сдается»... Это здесь?

Эвридика: Да, мсье. Подождите, я сейчас кого-нибудь позову. *(Продолжая смотреть на Орфея, не трогаясь с места)*. Вы можете пока раздеться.

Орфей: Спасибо. *(Поставив на пол чемоданчик, снимает шинель и вешает ее на вешалку)*.

Короткая пауза.

Эвридика (*не трогаясь с места*): Приехали в отпуск?

Орфей: Да.

Эвридика: И хотите остановиться здесь? (*Неуверенно*). А почему же не?... (*Оборвав себя, смущенно*). Ах, простите меня, господин солдат... Это все мое любопытство...

Орфей: Наверное, вы хотели спросить меня, почему я хочу снять комнату в гостинице, а не иду к своим родственникам или, на худой конец, к друзьям?

Эвридика (*смущенно*): О, мсье...

Орфей: Нет, нет, не извиняйтесь. Все очень просто. У меня здесь никого нет. Ни друзей, ни родных. Когда-то я родился в этом городе. Вот, пожалуй, все, что меня с ним связывает.

Эвридика: Простите, что я вас спрашиваю, мсье.

Орфей: Пустяки. В конце концов, всегда приятно, когда кто-то интересуется твоей жизнью.

Эвридика: Да, мсье. (*Чуть помедлив*). Тогда, может быть, вы разрешите мне спросить вас еще кое-что?

Орфей: Конечно. О чем угодно.

Эвридика: Ах, господин солдат, вы ведь не станете надомной смеяться? Скажите, вы ведь, наверное, были на передовой?

Орфей: Увы, мадемуазель. Еще позавчера вечером.

Эвридика: Мне рассказывали, будто она похожа на Ад. На Ад или даже на что-то, что еще хуже всякого Ада... Это правда?

Орфей (*неожиданно холодно*): Нет, мадемуазель.

Эвридика: Нет?

Орфей: Сказать по правде, мадемуазель, я ничего не знаю про Ад, но боюсь, что то, о чем вы спрашиваете, не похоже ни на Ад, ни даже на Чистилище.

Эвридика: Нет?

Орфей: Ничего общего, мадемуазель.

Эвридика: Но почему? Все время ждать, что в любую минуту тебя могут убить, слышать свист осколков или вой самолетов, прятаться в земле и знать, что от тебя ничего не зависит? А утром снова просыпаться, чтобы опять идти убивать или быть убитым – разве это не Ад, господин солдат?

Орфей (*холодно*): Это всего лишь война, мадемуазель. Не будешь убивать сам, значит, в конце концов, убьют тебя или того, кто находится рядом с тобой. Все очень просто, мадемуазель.

Эвридика: Кажется, я где-то уже это слышала... И все-таки, наверное, это должен быть совсем другой мир, господин солдат.

Орфей: Самый обыкновенный. (*Слегка насмешливо*). Примерно, такой, каким его показывают в кинохронике или описывают в газетах.

Эвридика (*упрямо*): А мне почему-то кажется, что все-

таким немного другой.

Орфей (*сухо*): Возможно, вы знаете это лучше меня мадемуазель. И, тем не менее, я должен сказать вам, что там нет ничего особенного. Обыкновенный мир, где живут самые обыкновенные люди, которые пьют, воруют, выслуживаются, рассказывают небылицы, пишут доносы, играют в карты, сплетничают, скучают, умирают, иногда совершают подвиги, ухаживают, – если найдется за кем, – мерзнут, боятся, работают, убивают себе подобных и дают убить себя, – одним словом, живут самой обыкновенной жизнью, такой же, как здесь или в любом другом месте... В конце концов, мадемуазель, человек – это такое животное, которое очень быстро ко всему привыкает. К смерти, к грязи, к нищете, к чужой и своей глупости, к опасности и изменам, к вою самолетов по утрам, к чему угодно. А привыкнув, он начинает думать, что все, что с ним происходит, это в порядке вещей, так, как оно и должно быть. (*Усмехаясь*). Вот почему, с некоторой натяжкой, можно сказать, что все, что пишется в газетах – это чистая правда, мадемуазель...

Эвридика: Простите, но мне кажется, что вы говорите совсем не то, что думаете.

Орфей (*почти злобно*): А вы бы, наверное, хотели, чтобы я рассказал вам какую-нибудь сказку, вроде того, что фронт – это второе Чистилище, где перед лицом смерти человек становится лучше?... Знаете что, мадемуазель? Если вы хотите услышать что-нибудь в этом роде, то почитайте «Фоль-

кишер беобахтер».

Эвридика молчит. Короткая пауза.

(Негромко). Черт... Вы смотрите на меня так, словно я обманул вас в ваших лучших ожиданиях.

Эвридика *(холодно):* Извините, мсье. *(Повернувшись, быстро идет к двери, на которой висит табличка «Администрация»; подойдя, громко стучит в нее).*

На балконе одна за другой, бесшумно появляются все три Эрини. Останавливаются, подойдя к перилам. Немного подождав, Эвридика стучит еще раз. Голос Профессора из-за двери: «Слышу!»

(Орфею). Хозяин сейчас выйдет. *(Идет к лестнице).*

Орфей: Послушайте, мадемуазель...

Эвридика останавливается, вполоборота повернув к Орфею голову.

Похоже, я все же вас чем-то огорчил?

Эвридика *(сухо):* Нет, мсье.

Орфей: Но мне кажется, что ваша спина говорит об обратном.

Эвридика: Как и всякая спина, мсье. *(Быстро поднима-*

ется по лестнице).

Из-за буфетной стойки появляется Отец.

Орфей (*вполголоса*): Дура.

Отец (*подъезжая ближе*): Вы что-то сказали?

Орфей: Я?... Ничего.

Отец (*глядя на Эвридику, негромко*): Ну, и как она вам?

Орфей: Кто? Эта? (*Смотрит на Эвридику, которая, под-
нявшись по лестнице, исчезает в своей комнате*). Никак.

Отец: Да, вы что! Видали, какая походка?

Орфей: Видал. Вихляю, как умею.

Отец: А фигура?

Орфей: Трясу, чем могу.

Отец: Шутите, господин солдат... А улыбка? Видели, ка-
кая у нее улыбка?... Когда мне было столько лет, сколько вам,
я готов был за одну такую улыбку отдать полжизни. За одну
только улыбку, разрази меня гром!

Орфей (*равнодушно*): Простите мсье, но когда мне будет
столько же лет, сколько сейчас вам, то я, наверное, буду го-
ворить то же самое.

Отец (*посмеиваясь и грозя Орфею пальцем*): О, господин
солдат, господин солдат... (*Услышав звук открываемой две-
ри, быстро прикладывает к губам палец*). Тш-ш-ш...

Короткая пауза, в продолжение которой на пороге своей

комнаты появляется Профессор, который какое-то время молча смотрит на Орфея. Отец быстро скрывается за буфетной стойкой.

Профессор (*хмуро*): Хотите остановиться у нас?

Орфей: Да, мсье. Простите за позднее вторжение, мсье.

Профессор: Ничего... Присядьте, я сейчас подойду.
(*Скрывается за дверью*).

Орфей садится около стола. Короткая пауза.

Отец (*выкатываясь из-за стойки, но, не рискуя двигаться дальше; готов в любое мгновение скрыться; негромко*):
Надолго к нам?

Орфей: Нет.

Отец: С фронта?

Орфей: Да.

Отец: И как оно там?

Орфей (*сухо*): Обыкновенно.

Отец: Обыкновенно... Как вы хорошо это сказали...
Обыкновенно. (*Оживляясь*). Знаете, пожалуй, я назову так свою следующую статью. Это может иметь успех. Обыкновенные парни в касках и с оружием в руках совершают обыкновенные подвиги во имя своего необыкновенного отечества. (*Посмеиваясь*). Неплохо, мне кажется...

Орфей: Вы писатель?

Отец: Ну, что вы, я – литератор. Сотрудничаю с «Правительственным вестником». Пишу, главным образом, передовицы... Довольно-таки ответственное дело, если говорить серьезно, господин солдат... А знаете почему?

Орфей: Нет.

Отец: Потому что передовицы читают все без исключения. Человек открывает газету и первым делом смотрит на первую полосу. А это значит, что тут ни в коем случае нельзя ошибиться.

Орфей: Чепуха.

Отец: Что?

Орфей: Не знаю, как здесь, но у нас обычно все начинают читать газету с последней страницы. Там, где печатают брачные объявления и сообщения о наградах.

Отец (разочарованно): Неужели с последней?

На сцене появляется Профессор. В его руках – книга для записи гостей.

(Приложив палец к губам). Тш-ш... (Вновь бесшумно скрывается за стойкой).

В продолжение последующего разговора, на сцене появляются Правила, Отец и Вергилий. Последний спускается с балкона и садится на нижнюю ступеньку лестницы.

Профессор (*подойдя к столу*): Так. (*Садится напротив Орфея и раскрывает книгу*). Значит, хотите у нас остановиться? (*Надевает очки*). Надолго?

Орфей: До конца недели.

Профессор: Прекрасно... Ваше имя, пожалуйста.

Орфей (*просто*): Орфей.

Профессор (*пишет*): Орфей...

Орфей (*поспешино*): Постойте!.. Извините... Не знаю, почему я это сказал, но у меня совсем другое имя... (*Смущенно смеется*). Черт знает что... Простите меня.

Профессор: Да? (*Внимательно смотрит на Орфея*). Вы уверены?

Орфей: Ну, конечно я уверен... Сам не знаю, как это у меня получилось.

Профессор: Очень жаль, господин солдат, но я уже вписал то имя, которое вы назвали.

Орфей: Что? (*Смотрит на профессора, помедлив, не совсем уверенно*). Но ведь это, наверное, будет совсем нетрудно зачеркнуть его?

Профессор: Проще простого, господин солдат. (*Смотрит на Орфея*).

Короткая пауза.

Орфей: Тогда зачеркните.

Профессор: Конечно, я его зачеркну, господин солдат.

(*Негромко*). Хотя, сказать по правде, от этого еще никогда не было толку. Во всяком случае, его не было на моей памяти. (*С едва различимой усмешкой*). Уж можете мне поверить.

Орфей: Не понимаю. Ведь это, кажется, совсем несложно. Зачеркнуть одно и написать вместо него другое. Разве это трудно?

Профессор: Разумеется, если вы будете настаивать, то я немедленно так и сделаю. (*Негромко, наклонившись к Орфею*). Но только имейте в виду, господин Орфей, от этого ровным счетом уже ничего не изменится.

Орфей: Что? (*Начиная догадываться, глухо*). Но почему?.. Почему?

Профессор: Вы ведь, наверное, и сами уже догадались, господин Орфей.

Орфей: Я же вам сказал, что я не Орфей. Это получилось случайно. Поверьте, у меня совсем другое имя.

Профессор: Разве? (*Внимательно смотрит на Орфея*). Вы в этом уверены, господин солдат?

Короткая пауза.

Орфей (*сквозь зубы, едва слышно*): Черт! Черт! Черт!

Профессор (*мягко*): Вот видите. Я даже не прошу вас назвать его, потому что вы вряд ли его помните.

Орфей: Разумеется, я его помню, господин шутник! (*Смолкает*).

Пауза, в продолжение которой Профессор слегка насмешливо продолжает смотреть на Орфея.

(Кричит): Да, нет же, нет, нет!.. Господи, да неужели это так трудно?.. Знаете что? Если вы не хотите зачеркнуть его сами, то давайте это сделаю я. *(Протягивая руку)*. Дайте мне ручку!

Профессор несколько мгновений смотрит на Орфея, затем протягивает ему ручку.

(Подвигая к себе книгу): Где это?.. Здесь? Здесь? Вот это? *(Смотрит в раскрытую книгу)*.

Короткая пауза. Орфей опускает ручку, собираясь вычеркнуть написанное, но вдруг бросает ее на стол и закрывает лицо руками.

(Глухо). Черт! Черт! Черт!

Профессор *(успокаивающе)*: Ну, ну, ну, господин Орфей. Не стоит так переживать. Конечно, вы могли бы заглянуть в свою солдатскую книжку, но я думаю, что результат был бы один и тот же. В конце концов, это всего только имя. Звук. Пустое сотрясение воздуха... Случается, конечно, что оно обязывает нас к тем или иным благородным или нелепым поступкам или заставляет нас делать то, что нам не по

душе, но ведь все это, опять-таки, зависит от того, как на это взглянуть, господин Орфей... (*Захлопнув книгу, повелительно*). А теперь откройте глаза и посмотрите внимательно вокруг. Просто откройте глаза и посмотрите. (*Настойчиво*). Да, посмотрите же, посмотрите! (*Резко, в сторону*). Зажгите свет!

Одно из Правил зажигает свет. Подняв голову, Орфей озирается по сторонам, затем поднимается со своего места и делает несколько шагов по сцене. Пауза.

Ну?.. И что вы нам скажите теперь, господин флейтист?

Короткая пауза.

Орфей (*обернувшись, тихо*): Но почему именно я?.. (*Глухо*). Черт бы вас всех взял... (*Возвращаясь и снова садясь возле стола*). Только, пожалуйста, не говорите мне, что вы ждали, что я спрошу вас именно об этом.

Профессор: Разумеется, я ждал этого, господин Орфей... Хотите, чтобы я вам сказал то, что вы прекрасно знаете и без меня?

Орфей молчит. Короткая пауза.

(*Негромко*). Совершенно верно, господин солдат... С каж-

дым случается только то, что должно случиться только с ним. Будь на вашем месте кто-нибудь другой, он бы тоже не поленился спросить: а почему именно я, а не кто-то там еще?

Короткая пауза.

Орфей (*тихо*): Я погиб.

Профессор: Ну, можно сказать и так... (*Негромко*). Можно сказать и так... Впрочем, зачем нам забегать вперед, господин Орфей? В конце концов, все должно идти своим чередом, не отставая и не торопясь, а так, как надо, как положено, как оно только и может идти... Надеюсь, вам не надо объяснять, что это значит?

Орфей молчит. Короткая пауза.

(*Сердито*). Ну, что вы смотрите на меня так, как будто я предлагаю вам прыгнуть выше головы?... В конце концов, это значит только то, что вы встретите Эвридику и женитесь на ней, а потом она умрет, и вам придется отправиться за ней в Аид, чтобы уже там потерять ее навсегда... Ничего из ряда вон выходящего, господин солдат. (*Негромко и чуть снисходительно*). Обычный порядок смертей и рождений, встреч и разлук, удач и падений, славы и презрения, подвигов и предательств... Да, вон, спросите хотя бы у господина Вергилия.

Короткая пауза.

(Вергилию). Скажите ему, господин Вергилий.

Вергилий вызывающе молчит. Короткая пауза.

Господин Вергилий говорит, что дело обстоит именно так.

Орфей *(Вергилию, негромко):* Я вас узнал.

Вергилий: Здравствуйте, господин Орфей.

Орфей: Здравствуйте... *(Повернувшись к Отцу).* И вас тоже... Вы ведь мой отец, правда?

Отец *(подъезжая ближе):* Здравствуй, сынок. Как же я рад тебя видеть!

Орфей *(поднявшись со своего места, угрюмо):* Еще бы. *(Сделав несколько шагов по сцене).* Госпожи Эриннии... Ну, конечно... Разве без вас что-нибудь может обойтись? *(Эринниям).* Добрый вечер, госпожи Эриннии.

Эринии *(хором):* Добрый вечер, господин Орфей.

Орфей: Все рвете? Мечете? Никому не даете спуска?

Первая Эриния *(посмеиваясь):* Ну, что вы, господин Орфей... Только в рабочее время...

Орфей *(повернувшись к Правилам, с кривой усмешкой):* Господа Правила... Боже мой!..

Правила молча кланяются.

Мойте руки перед едой. Обходи автобус сзади, а трамвай спереди. Люби ближнего своего, как самого себя... Надеюсь, я ничего не упустил?

Правила молча кланяются. Короткая пауза.

(Вновь возвращаясь за стол, Профессору, глухо). Похоже, спектакль начался.

Профессор: Да, господин солдат. Хотя я подозреваю, что в некотором смысле, он, к сожалению, вообще никогда не кончался.

Орфей: Вот именно. К сожалению... Но, как вы, наверное, понимаете, мне на это наплевать.

Профессор: Конечно, господин Орфей.

Орфей: Как, впрочем, и на вас, и на ваш спектакль, и на ваших актеров!

Профессор: Не сомневаюсь, господин Орфей.

Орфей: На его режиссера, на его зрителей и на его автора!.. *(Кричит)*. На самого Господа Бога, если только Он здесь замешан!

Профессор *(мягко)*: Ну, ну, ну... Оставьте в покое, по крайней мере, Господа Бога. Если кто-то здесь и не причем, так это как раз Он.

Орфей *(упрямо)*: Наплевать!

Профессор *(спокойно)*: Открою вам небольшой секрет, господин грубиян. По большому счету и мне, и всем осталь-

ным — так и подавно. Спросите любого из нас и вам скажут, что все мы плевать хотели на эту чертову пьесу! (*С явным удовольствием*). Тьфу на нее!.. Тьфу! Тьфу! Тьфу!.. (*С недоумением разводя руками*). Но, что же прикажите нам делать, господин Орфей?.. Ведь все мы оказались здесь совсем не по своей воле. И ваш отец, и я, и господин Вергилий, и госпожи Эриннии, и даже, представьте себе, ваша золотоволосая Эвридика, черт бы ее подрал вместе с вами, все попали в эту историю только благодаря вам. (*Не давая Орфею перебить себя*). Да, да, господин Орфей, именно благодаря вам и больше никому! Ведь это не мы заварили эту кашу, не мы музицируем на флейте, не нас зовут Орфей, и не мы ввалились сюда среди ночи, чтобы снова начать эту бесконечную и, признаться, порядком всем поднадоевшую историю... Черт возьми! Не верите мне, так послушайте хотя бы наших уважаемых правдолюбцев. (*Повернувшись к Правилам, почти рычит*). Господа Правила!

Правила мгновенно вытягиваются по струнке и замирают.

Ну, что, дармоеды, есть у вас для нас что-нибудь?

Первое Правило: Так точно, герр профессор. На все случаи жизни и все, что вы только пожелаете.

Профессор: Тогда чего вы ждете, болваны?

Первое Правило (*делая шаг вперед и обращаясь к Ор-*

фею): Не вали на другого.

Эринии и остальные Правила негромко аплодируют.

Второе Правило: Все, что случается, случается только с тобой.

Третье Правило: От судьбы не уйдешь.

Четвертое Правило: Чему быть, тому не миновать.

Пятое Правило (*негромко хихикая*): Покорных судьба ведет, а непокорных тащит.

Профессор: Да еще как, господин солдат. Не успеешь даже сообразить, что к чему, как она уже норовит дать тебе хо-рошенького пинка, да такого, что потом еще не скоро отва-жишься даже присесть. (*Насмешливо*). Но ведь, как вы пони-маете, все это, конечно, только ради вашего же блага, госпо-дин упрямец. (*Правилам, ворчливо*). Ну, что у вас там еще?..

Первое Правило (*поспешно*): Возлюби ближнего своего, как самого себя.

Второе Правило: Время – лучший лекарь.

Третье Правило: Лучшая награда за добродетель – сама добродетель.

Профессор: Браво, канцелярские крысы!

Орфей (*тоскуя*): Да, откуда вы только взялись, идиоты?

Первое Правило (*с обидой*): Мы не идиоты, господин Орфей.

Второе Правило: Мы – Правила. Без нас не бывает ни-

чего.

Профессор: Во всяком случае, – ничего хорошего... Ничего хорошего, господин флейтист... Боже мой! Да, неужели вы и в самом деле думаете, что кому-то из нас доставляет удовольствие играть вместе с вами в этой паршивой пьесе?... Да, провались она пропадом вместе со всеми своими декорациями, зрителями и билетными кассирами в придачу!.. Поймите же, наконец, господин солдат, что это только ваша история, а все остальные в ней всего только жалкие статисты и ничего больше. Принести, подать, во время сказать свою реплику. Не будь вас, я сидел бы сейчас дома, пил бы чай или читал «Вечернюю газету», а вместо этого, я вынужден крутиться вокруг вас, словно привязанный, как будто у меня больше нет на этой земле никаких других дел... (*Понизив голос, почти с ненавистью*). Ах, если бы вы только знали, как вы нам всем осточертели вместе со всей вашей хваленной историей, господин Орфей! И вы, и ваша драгоценная Эвридика, глаза бы мои никогда не видели ни вас, ни ее!..

Орфей (*не дослушав, резко*): Где она?

Профессор: Кто? (*Какое-то время смотрит на Орфея*). Ах, эта... Ваше длинноволосое чудо. (*Посмеиваясь*). Всему свое время, господин Орфей. Всему свое время. (*Правилам*). Не правда ли, господа всезнайки?

Одно из Правил: Так точно, герр профессор.

Орфей: Черт! (*Кричит, ударяя кулаком по столу*). Черт! Черт! Черт!..

Отец (*страдая*): Сынок!.. (*Повернувшись к Профессору*). Простите его, герр профессор...

Кажется, что Орфей хочет что-то сказать, но раздумав, поворачивается к Профессору и медленно идет по сцене. Все присутствующие молча провожают его глазами. Пауза.

Профессор (*вполголоса*): Скажите, пожалуйста... Я готов побиться об заклад, что наш господин музыкант начинает, кажется, кое-что понимать.

Первая Эриния (*негромко*): Да, господин профессор.

Профессор (*Эринии, грубо*): А вас никто не спрашивает.

Эриния обиженно отворачивается. Орфей продолжает медленно идти по сцене, затем он поднимается по ступенькам правой лестницы и, дойдя до половины, останавливается.

Орфей (*обернувшись, негромко*): Боже мой, но почему?.. Почему?

Присутствующие молчат. Повернувшись, Орфей медленно поднимается еще на несколько ступенек.

(По-прежнему негромко, словно сам с собой). Полтора го-

да я провел в окопах, ел консервы, подыхал от жары, прятался от снарядов и снайперов, ходил в атаку, кормил комаров, и вот теперь, когда я приехал сюда, чтобы отдохнуть, вдруг оказывается, что вся моя прежняя жизнь была на самом деле понарошку, словно она мне только снилась. (*С кривой усмешкой*). Я даже не помню своего имени. Так, словно у меня его никогда и не было... (*Повернувшись, резко*). А теперь, может быть, кто-нибудь из вас скажет мне, почему я просто не могу жить, как все?.. Вставать рано утром? Пить кофе? Ухаживать за женщинами? Читать эти чертовы газеты? (*Кричит*). Пить? Есть? Спать?.. Почему? (*Смолкает*).

Эрини и Правила переглядываются и негромко посмеиваются. Небольшая пауза.

Профессор: Нет, вы что же, и в самом деле не знаете, почему?.. (*Посмеиваясь*). Ей-Богу, господин Орфей, у меня начинает складываться такое впечатление, что вы над нами просто смеетесь. (*Сердито*). Да, потому, черт возьми, что тогда это была бы совсем другая история! Вернее, сказать – совсем никакой истории. Нечто такое, о чем нельзя было бы даже рассказать. Нуль, пустое место, ничто.

Орфей: Рассказать?.. Господи! Но кому? Кому?

Профессор (*снисходительно посмеиваясь*): Ну, разумеется, всем тем, у кого нет своей собственной истории, господин Орфей... Всем тем, кто всегда готов смотреть на вас с

участием, печалью, восторгом, ужасом или даже любовью...

Пока он говорит, Орфей медленно спускается вниз по правой лестнице.

Тем, кто ходит в театр или синематограф, кто покупает книги и слушает радио, кто всегда готов заплатить деньги за то, чтобы услышать о чужих подвигах, приключениях, разочарованиях и победах, о чужой ненависти или о чужой любви, и все это только потому, что в их собственной жизни они никогда не встречали и не надеются встретить ничего подобного. *(К присутствующим)*. Я правильно излагаю суть дела, господа?

Первая Эриния: Совершенно правильно, господин Профессор.

Орфей: Ах, вот оно что... *(Остановившись на последней ступеньке, негромко)*: Значит, вы полагаете, что я должен отдуваться за всех тех, кому не хватает в жизни подвигов или приключений, потому что они не удосужились вовремя обзавестись своей собственной биографией?.. Играть им на потеху роль влюбленного дурака, лезть в преисподнюю, тащить оттуда за волосы эту дуру?.. *(Спустившись с последней ступеньки, сквозь зубы)*. Черта с два, господин гуманист! Черта с два, черта с два... *(Отходит)*.

Короткая пауза.

(Обернувшись, громко). Черта с два!

Профессор молчит. Дойдя до левой лестницы и остановившись, Орфей смотрит вверх на сидящего на последней ступеньке Вергилия. Небольшая пауза.

Вергилий: Пожалуйста, не смотрите на меня такими страшными глазами, господин Орфей. Вы смотрите на меня так, словно я чем-то перед вами провинился.

Орфей (*поднявшись на несколько ступенек*): А разве нет?.. Или это не вы выдумали эту идиотскую историю, которой никогда не было?

Отец (*укоризненно*): Господи, Орфей!..

Профессор, смеиваясь, смотрит в сторону Вергилия.

Вергилий (*мягко*): Боюсь, вы немного преувеличиваете мои возможности, господин Орфей.

Профессор: Господин Вергилий хочет сказать, что он здесь ни при чем.

Правила негромко хихикают.

Вергилий: Совершенно верно, герр профессор. В конце концов, я только записал то, о чем рассказывали другие.

Всем известная история о человеке, который осмелился спуститься в преисподнюю за своей умершей женой. Ее можно было услышать на каждом углу. Возможно, я кое-что приукрасил, но в общих чертах я рассказал только то, что слышал от других.

Небольшая пауза. Орфей молча смотрит на Вергилия.

(Негромко). В конце концов, господин Орфей, если уж вам тут так не нравится, вы можете уйти. Мне кажется, никто не держит вас здесь насильно.

Орфей *(быстро):* Что? *(Помедлив, негромко).* Что? *(Медленно повернувшись к Профессору).* Вы слышали, что он сказал?.. Это правда?

Профессор *(с едва заметным раздражением):* Разумеется, это правда, господин Орфей. Если только это слово еще что-нибудь значит, то вы свободны так же, как и любой из нас.

Орфей: Значит, я могу уйти?

Профессор: В любую минуту.

Орфей: Вот так просто? Одеться и выйти на улицу?

Профессор: Само собой разумеется.

Орфей: И вы не будете меня уговаривать, хватать за руки, запирать в подвале?

Профессор: У нас нет подвала, господин Орфей.

Орфей: И меня не станут преследовать Эринии?

Профессор: Эти?.. (*Презрительно рассмеявшись*). Ручаюсь, что они не тронут вас, даже если вам вздумается убить родного отца... (*Негромко*). Как вам, должно быть, хорошо известно, господин солдат, самые безобразные Эринии, это те, которые живут в человеческом сердце. Вот за них я бы, пожалуй, ручаться, действительно, не стал.

Какое-то время Орфей смотрит на Профессора, затем быстро идет к двери.

Отец (*тихо, с отчаяньем*): Сынок!.. (Делает попытку подъехать к Орфею).

Профессор (*останавливая отца, Орфею*): Но если вы все-таки решили уйти, господин музыкант, то, разумеется, сделайте милость.

Орфей молча снимает с вешалки свою шинель.

Вот только объясните нам напоследок, зачем уходить тому, кто уже пришел? (*С сомнением*). Ну, разве что вас ждут в другом месте? (*Ко всем присутствующим*). Кто-нибудь здесь думает, что господина музыканта ждут сегодня где-нибудь еще?

Правила и Эринии отрицательно качают головами. Между тем, надев шинель, Орфей берет в руки свой чемоданчик.

Признаться, я и сам в этом очень сильно сомневаюсь... А знаете, почему, господин Орфей?.. Потому что во всей Вселенной есть только одно место, где вам полагается сегодня быть, и оно, как раз, перед вами... Впрочем, если уж вы так настаиваете, то, отчего бы и нет?.. (*В сторону Эриний*). Откройте ему дверь.

Отец (*страдаая*): Орфей!..

Одна из Эриний медленно идет к двери. Небольшая пауза.

Эриния (*отперев дверь, негромко*): Пожалуйста, господин Орфей.

Сделав шаг к открытой двери, Орфей, какое-то время стоит перед ней не решаясь переступить порог, затем медленно ставит на пол свой чемоданчик и скидывает с плеч шинель. Эриния вновь молча запирает дверь. Пауза.

Профессор (*негромко*): Ну, что ж... Добро пожаловать домой, господин солдат.

Первая Эриния: Добро пожаловать, господин Орфей.

Остальные Эринии: Добро пожаловать, господин Орфей.

Правила (*хором*): Добро пожаловать, добро пожаловать, господин Орфей.

Отец (*восторженным шепотом*): Добро пожаловать, сынок!

Все, за исключением Вергилия, негромко аплодируют. Под их аплодисменты Орфей медленно возвращается и садится за стол напротив Профессора. Пауза.

Профессор (*негромко, внимательно глядя на Орфея*): Если вы вдруг забыли свою роль...

Орфей (*резко*): Нет.

Профессор: Тем лучше, господин солдат. Тем лучше. (*Повернувшись, Правилам*). Господа Правила?

Первое Правило: Мы готовы, герр Профессор.

Профессор: Госпожи Эринии?

Первая Эриния: Мы готовы.

Профессор (*поднимаясь из-за стола*): В таком случае давайте начинать... (*Смолкает, неуверенно оглядывая зал, словно пытаясь что-то вспомнить*).

Пауза.

Первая Эриния (*негромко*): Господин профессор...

Профессор молчит.

Отец: Господин профессор... (*Подъезжая к Профессору*

и дотрагиваясь до его руки). Господин профессор...

Профессор *(издалека)*: Да? *(Какое-то время смотрит на Отца, вспомнив)*. Ах, да. Кажется, ваш выход, господин лауреат. *(Слегка насмешливо)*. Картина тридцать вторая, трогательная. Семейная сцена, потрясающая сердца. После долгой разлуки безутешный отец встречает своего непутевого сына. Зрители обливаются слезами и не знают, куда деть мокрые платки... Что ж, начинайте, господа. *(Остальным присутствующим)*. Не будем мешать. *(Отходит и скрывается за дверью с надписью «Администрация»)*.

Правила и Эринии медленно расходятся. Кто-то выключает верхний свет, так что освещенным остается только центр нижнего зала. Отец и Орфей остаются одни. Пауза.

Отец *(робко)*: Здравствуй сынок.

Орфей: Что?

Отец: Здравствуй, сынок.

Орфей: Здравствуй, папа.

Отец: Ну, как ты? Ничего?

Орфей *(издалека)*: Что?... Как видишь. Ничего.

Отец: Вот и хорошо. Нельзя ни при каких обстоятельствах терять бодрость духа. И тогда все получится. Уж я-то знаю, сынок. Поверь мне.

Орфей: Да.

Отец: Главное, что мы опять вместе.

Орфей: Да, папа.

Отец (*подъезжая ближе*): А вместе мы большая сила. Можем свернуть горы, если захотим. (*Негромко смеется, глядя на Орфея*).

Короткая пауза.

(*Неуверенно*). Большая сила... Верно?

Орфей: Да.

Отец (*доверительно*): А я-то все думал, какой ты стал? Думал, а что если вдруг ты меня забыл? Вдруг не вспомнишь, не узнаешь, или, может быть, даже не захочешь со мной разговаривать... А ты, оказывается, вон какой. Вырос, возмужал. У самого, наверное, скоро будут дети... (*Всхлипнув, лезет в карман за носовым платком*).

Орфей (*поднимаясь со своего места*): Не надо, папа.

Короткая пауза.

Отец (*вытирая слезы*): Ну, ничего, ничего. Мы еще повоюем, сынок... Хотя надо тебе сказать, что жизнь – это препоганая штука. Не успеешь оглянуться, а тебя уже называют «господин ветеран» и норовят уступить место в трамвае. Или начинают намекать, что ты что-то уж слишком зажился на этом свете. Такие, сказать по правде, свиньи. (*Сморкается*).

Короткая пауза. Орфей медленно и бесцельно идет по сцене.

Но ты не думай, сынок, что я стыжусь своих слез. Я их не стыжусь, потому что отцовские слезы, это, в некотором роде, святые слезы, и я их нисколько не стыжусь. Нет, сынок. Тут нечего стыдиться.

Орфей (*безучастно*): Да, папа.

Отец: Последнее дело, сынок, стыдится своих чувств, а уж тем более, стыдиться слез, которые посылает нам само небо... Ты ведь и сам понимаешь, сынок. (*Всхлипывает и не находя нужных слов, смолкает, вытирая глаза*).

Орфей (*издали*): Да, папа.

Отец: Конечно, это нехорошо, когда у мужчины глаза все время на мокром месте, но ведь здесь совсем другое дело. Ты ведь понимаешь о чем я, милый?

Орфей (*перебивая*): Папа...

Отец: Совсем другое дело.

Орфей: Послушай...

Отец: Что, милый.

Орфей: Я хотел попросить тебя.

Отец: Меня?.. Ну, конечно, попроси, сынок.

Орфей: Не мог бы ты рассказать мне о маме?

Отец: О твоей матери? (*Подъезжая ближе*). Ты хочешь, чтобы я рассказал тебе о твоей матери?.. Что ж, я с удовольствием. С огромным удовольствием, сынок. (*Потухшим го-*

лосом). Она была превосходная женщина, можешь мне поверить. Превосходная женщина. Удивительная женщина, вот что я тебе скажу. Умная и хорошо воспитанная. Много читала и знала три языка. У меня даже есть ее фотография. Вот, погоди... (*Роется в бумажнике*). Наверное, оставил в столе. Я тебе покажу потом. Прекрасная фотография...

Орфей: А еще?

Отец: Еще? Но что же еще, сынок?

Орфей: Не знаю, папа. Как ее звали?

Отец: Ее? Твою мать?.. Зачем это тебе?

Орфей: Я полагаю, что все-таки имею право знать имя своей матери. Или ты так не считаешь?

Отец: Ну, конечно, милый, имеешь. Еще бы. Разве я что-нибудь говорю?

Орфей: Ну, так скажи мне его.

Отец: Послушай-ка, сынок...

Орфей: Скажи мне его, папа.

Отец: Конечно, я тебе его скажу. Разве мне жалко?.. А сам-то ты разве не знаешь?

Орфей: Скажи мне его, папа.

Отец: Да, что это ты заладил, скажи, да скажи!...(Обреченно). Я не могу тебе сказать его, сынок. Не могу. Не могу. (*Развернувшись, едет по сцене прочь от Орфея*).

Орфей: Но почему?

Отец: Потому что не могу!

Короткая пауза.

(Сделав по сцене круг, вновь подъезжает к Орфею, негромко). Послушай... Видишь ли, какое дело. Не знаю даже, как тебе это и сказать... (Понизив голос). Твоя мать вела свое происхождение из царского рода. Поэтому, сам понимаешь, тут требуется величайшая осторожность. Величайшая, сынок. (Оглянувшись, шепотом). И у стен есть уши... Да, представь себе. И еще какие... Ты себе, наверное, и вообразить не можешь. Поэтому, давай не будем. Или, по крайней мере, оставим это до следующего раза. (Смолкнув, смотрит на Орфея).

Короткая пауза.

Орфей: Папа...

Отец (нервно): Что?

Орфей: Мне почему-то кажется, что ты просто его забыл.

Отец: Я? *(Смеется).* Забыл? *(Смеется).* Да, что ты, Орфей!

Орфей: Ну, тогда скажи мне его.

Короткая пауза. Отец молча смотрит в сторону.

Вот теперь я вижу, что ты его действительно забыл. Что, разве нет?

Отец (*сердито*): Забыл, не забыл!... (*Отъезжая в сторону и сразу возвращаясь*). Ну, хорошо. Ладно. Допустим, что я его забыл. Просто возьмем и допустим, хотя, конечно, это уже ни в какие ворота... И что из того?... Ну, скажи мне, что из того, что я его забыл?

Орфей (*бесцветно*): Ничего.

Отец (*отъезжая*): Вот именно, дорогой мой, – ничего... В конце концов, не могу же я помнить все подряд! Одно, другое, третье! (*Возвращаясь*). А если у меня плохая память? Склероз? Нервы? Знаешь, годы-то все-таки берут свое. (*Сердито*). Ну, что, в конце концов, измениться, если ты узнаешь имя своей матери?... Кажется, ее звали Клотильда. Во всяком случае, что-то в этом роде. Клотильда. Тебя устраивает, если я скажу тебе, что твою мать звали Клотильдой?

Орфей: Мне все равно, папа.

Отец: Теперь ты говоришь, что тебе все равно.

Орфей (*сидясь на ступеньки правой лестницы*): Правда, мне все равно.

Отец: Не говори так, Орфей. Это нехорошо. В конце концов, что бы там ни было, это все-таки твоя мать.

Орфей (*издали*): Наплевать.

Отец: А я тебе говорю, что это нехорошо.

Орфей: Ничуть не хуже твоего беспамятства, папа.

Отец: Скажите, пожалуйста, моего беспамятства!.. А что ты, собственно, знаешь о своем отце, чтобы так говорить?... Беспамятство! Скажите, пожалуйста!.. (*Отъезжает в сто-*

рону).

На балконе появляется Вергилий. Какое-то время он стоит, слушая разговор Орфея и Отца, затем начинает медленно спускаться по правой лестнице.

Да, если хочешь знать, это я настоял, чтобы ты появился на свет. (*Кружа по сцене*). Да, да, милый. Если бы не я, то еще неизвестно, что бы с тобою было. (*Остановившись*). Если бы ты только знал, как мне было трудно с твоей матерью. Господи! Ей почему-то взбрело в голову, что ей еще рано иметь детей. Это в тридцать-то лет! Ты только подумай! Но я настоял на своем. Ты не знаешь, чего мне это стоило. Я так кричал, что соседи подумали, что нас обокрали. Уж будь уверен, если твой отец что решил, так тому и быть!.. (*Вергилию, слегка раздраженно*). Послушайте, господин Вергилий...

Вергилий (не обращая внимания на Отца, остановившись позади Орфея): Могу я узнать, почему вы не ушли?

Орфей (*обернувшись*): Что?

Вергилий: Я вас спросил, почему вы не ушли, почему вернулись?

Орфей: Не знаю.

Вергилий: Все, что вам надо было сделать, это толкнуть дверь и переступить порог.

Орфей: Может быть.

Вергилий: Всего только толкнуть дверь и уйти.

Отец (*подъезжая*): Может быть, вы все-таки дадите мне закончить, господин Вергилий?

Вергилий (*по-прежнему не обращая внимания на Отца, отступая наверх по лестнице*): У вас была прекрасная возможность, господин Орфей, и вы ее благополучно упустили. Поздравляю вас.

Отец (*Вергилию*): Послушайте, господин классик. Если вы опять за свое, то я могу сказать вам с полной ответственностью – можете даже не стараться. Мальчик останется здесь. С отцом. Со своей семьей. (*Орфею*). Правда, сынок?

Орфей молчит.

Вергилий (*из темноты, с верхней ступеньки лестницы, негромко*): Всего только один шаг, господин Орфей. Один маленький шажок... (*Исчезает*).

Отец: Нет, ты видел?.. Какая, ей-Богу, ужасная бестактность!.. Взять и вмешаться в чужой разговор. Это просто какое-то варварство!

Орфей молчит, опустив голову. Короткая пауза.

На чем мы с тобой остановились, сынок?

Орфей молчит.

В конце концов, не так уж это и важно. Главное, что мы опять вместе... Хочешь, я расскажу тебе о своей работе?

Орфей: Нет.

Отец: И не надо. В конце концов, в ней нет ничего особенного. Работа, как работа. *(Смолкает и какое-то время без выражения смотрит на Орфея).*

Небольшая пауза. На балконе загорается свет. Затем к перилам одна за другой подходят и заглядывают вниз три Эринии.

(Приветливо помахав рукой, кажется, с облегчением). А, госпожи Эринии...

Эринии о чем-то шепчутся между собой.

(Орфею, вполголоса). Скажу тебе по секрету, сынок, сейчас они кое о чем тебя попросят. Уж ты им не отказывай, сделай, что они хотят... В конце концов, они такие же бабы, как и все прочие. В меру глупые, в меру сварливые, слегка сволочные... Сам знаешь, станешь сволочью от такой жизни...

Пока Отец говорит, одна из Эриний, спустившись по лестнице, медленно подходит к Орфею.

Эриния (*стесняясь*): Господин Орфей...

Отец: Смелее, смелее, госпожа Эриния...

Орфей поднимает голову.

Эриния: Мы слышали, что вы прекрасно музицируете, господин Орфей. (*Застенчиво*). Поэтому мы подумали, может быть, вы нам что-нибудь сыграете, господин Орфей?

Одна из Эриний (*с балкона*): Пожалуйста, господин Орфей!

Другая Эриния: Пожалуйста, господин солдат.

Орфей: Здесь? Сейчас? (*Невесело смеется*). Вы, наверное, сошли с ума! Что тут можно сыграть?

Эриния: Да, что хотите, господин музыкант!

Одна из Эриний (*с балкона*): Что хотите, господин Орфей!

Эринии (*с балкона, все вместе*): Пожалуйста, господин Орфей.

Эриния: Я просто без ума от музыки!

Эринии (*с балкона*): И мы тоже, господин Орфей!

Отец: Сыграй, сынок!..

Небольшая пауза. Из своей комнаты появляются Правиль.

Орфей (*негромко*): Смешно сказать, но когда-то я, в самом деле, играл на флейте.

Эриния: Мы это знаем, господин Орфей.

Орфей: Но это было очень давно. Сто лет назад.

Эриния: Так сыграйте снова, господин Орфей.

Отец: Сыграй, сынок.

Эринии (*с балкона*): Сыграйте, господин Орфей.

Одно из Правил: Пожалуйста, господин Орфей.

Другое Правило: Пожалуйста, господин Орфей.

Третье Правило: Сделайте нам такое одолжение, господин Орфей.

Стихают шум и уговоры. Чуть помедлив, Орфей достает из своего чемоданчика губную гармонику. Поднеся ее к губам, извлекает несколько негромких аккордов.

Одно из Правил: Если я не ошибаюсь, господин солдат, разговор, кажется, шел о флейте. А это, насколько я понимаю, совсем не флейта. Во всяком случае, не совсем флейта.

Отец (*Правилу*): Ну, что вы цепляетесь, ей-Богу? Какая, в конце концов, разница, флейта, не флейта... Верно, сынок?

Не отвечая, Орфей играет первые аккорды «Лили Марлен». Стоящие на балконе Эринии поспешно спускаются вниз.

Одно из Правил (восхищенно): Браво!

Другое Правило: Тш-ш!..

Орфей играет «Лили Марлен». Пауза, в продолжение которой присутствующие сначала стоят, слушая мелодию, затем один за другим начинают танцевать. Трое Правил приглашают Эриний, остальные танцуют друг с другом. Быстро отъехав в сторону, Отец ритмично раскачивается в своей коляске.

Первая Эриния (проплывая мимо Орфея): Ах, господин музыкант! Это просто чудо!..

Вторая Эриния: Играйте же, играйте!..

На пороге своей комнаты появляется Профессор. Скрестив на груди руки, он мрачно взирает на танцующих, впрочем, не делая никаких попыток остановить веселье. Орфей играет. Никто не замечает, как среди кружащих пар появилась новая, невеста откуда взявшаяся фигура в длинном, мышиного цвета, пиджаке и черных брюках. Это – Рейхсканцлер. Подхватив под руку одну из Эриний, он кружит ее среди танцующих, пока, наконец, не оказывается на авансцене.

Рейхсканцлер (продолжая кружиться в танце и, одновременно, махая Профессору рукой): Герр профессор!.. Герр

профессор!.. (*Посылает Профессору воздушный поцелуй*). Идите скорее к нам, герр профессор!.. Примите участие...

Танец разваливается. Танцующие пары, одна за другой, останавливаются, глядя на Рейхсканцлера. Мелодия обрывается.

(*Оглядываясь*). Ну, играйте же, играйте, играйте!.. (*Профессору, почти капризно*). Герр профессор! Распорядитесь, пожалуйста, чтобы опять была музыка!

Профессор (выступая вперед, холодно): Господин Рейхсканцлер... (*Жестом приглашает Рейхсканцлера подойти*).

Рейхсканцлер: Герр профессор? (*Подходя, неуверенно*). Что-нибудь не так, герр профессор?

Профессор: Посмотрите на часы и поправьте меня, если я ошибаюсь, господин Рейхсканцлер, но мне кажется, что вы немного переусердствовали, появившись раньше положенного срока.

Рейхсканцлер (*удивлен*): Разве? (*Оглядевшись по сторонам, горячо*). Но, послушайте, послушайте меня, герр Профессор!.. Мне показалось, что так будет намного занятнее. Намного занятнее, герр Профессор. В конце концов, если подумать, в этом есть даже какая-то изюминка...

Профессор (*холодно*): Никакой изюминки, господин Рейхсканцлер. И никакой самодеятельности. Во всем должен

быть порядок и еще раз порядок... Я сожалею, но вам придется немедленно начать все с начала.

Рейхсканцлер (*разочаровано*): О, герр профессор...

Профессор молчит. Небольшая пауза.

(*Смирившись*). Хорошо, герр Профессор. Как вам будет угодно.

Профессор: И, ради Бога, оденьте что-нибудь подобающее случаю.

Рейхсканцлер: Да, герр профессор. (*Идет к двери, ведущей на улицу*).

Правила и Эринии расступаются, давая Рейхсканцлеру дорогу. Короткая пауза.

(*Обернувшись на пороге*). И все-таки мне кажется, что мое появление вот так, неожиданно, среди танцующих пар, выглядит гораздо более эффектно, чем это предусмотрено вашим сценарием, господин режиссер. (*Исчезает*).

Короткая пауза. Собравшиеся топчутся в центре сцены.

Профессор: Не расходитесь, господа.

Первая Эриния (*в сердцах*): И так всегда. Стоит только собраться, чтобы немного отдохнуть, как обязательно что-

нибудь помешает!.. (*Демонстративно повернувшись спиной к Профессору и обращаясь к Орфею*). Ну, посудите сами, господин Орфей. Мы – Эринии, а это значит, что мы должны наказывать любого, кто нарушает порядок и не соблюдает установленных правила. Но ведь все прекрасно понимают, что если кто-то с неизбежностью подлежит справедливому наказанию, то ведь и наказывающий с точно такой же неизбежностью подлежит наказанию наказывать, не правда ли?.. Где же здесь справедливость, господин Орфей? В конце концов, мы тоже хотим веселиться, танцевать, играть в фанты, а не копаться в этом навозе, который все равно никогда не станет лучше от того, что кому-то однажды взбрело в голову сделать нас Эриниями и поставить оберегать этот чертов порядок, который, по-моему, никого еще не сделал счастливым... Вы следите за моей мыслью, господин Орфей?

Орфей: Да, госпожа Эриния.

Профессор (*негромко, сквозь зубы*): Дура.

Эриния резко повернувшись, в упор смотрит на Профессора. Короткая пауза, в завершении которой внезапно и резко звонит дверной колокольчик. Присутствующие смотрят сначала на дверь, затем на Профессора.

(*Негромко*). Откройте.

Два Правила торопливо бросается открывать дверь. Ко-

роткая пауза.

(Предупреждая, ко всем присутствующим). Господа...

На пороге появляется Рейхсканцлер. Теперь он одет в черный фрак, волосы зачесаны набок, в петлице – большая белая хризантема. Застенчиво улыбаясь, он останавливается возле двери, затем делает несколько неуверенных шагов по сцене и снова останавливается, нерешительно оглядываясь и, похоже, не зная, что ему делать дальше.

(Громко). Господа!..

Правила и Эринии громко аплодируют. Аплодируя вместе со всеми, Профессор подходит к Рейхсканцлеру.

(Широкий жест, громко, обращаясь ко всем присутствующим). Господин Рейхсканцлер!

Аплодисменты становятся громче. Присутствующие подходят ближе, так что Рейхсканцлер оказывается внутри живого полукольца.

Рейхсканцлер *(прижимая руку к груди):* Господа... Господа... Я тронут, господа... *(Кланяется, улыбаясь).*

Профессор делает знак присутствующим. Аплодисменты стихают.

(Подходя). Герр профессор... *(Пожимает руку профессора).* Душевно рад, герр профессор, душевно рад... *(Подходя к Правилам).* А, господа Правила... *(Остановившись и потрепав по плечу одно из Правил, идет дальше).* Мое почтение, господа Правила, мое почтение... Госпожи Эринии... Мое почтение, госпожи Эринии... *(Подходя к Отцу).* Господин лауреат... *(Пожимая протянутую руку).* Прекрасно пишете, господин лауреат... Прекрасно, прекрасно, господин лауреат... *(Повернув голову, вопросительно смотрит на Профессора).*

Профессор молча указывает Рейхсканцлеру на Орфея.

Я так и думал. *(Подходя).* Господин Орфей... Именно так я вас себе и представлял. *(Пожимая Орфею руку, обращаясь, скорее, к присутствующим, чем к Орфею).* Красивый, мужественный, с открытым лицом, бесстрашно проходящий мимо зависти и клеветы, готовый всегда ответить на происки коварного и трусливого врага... *(Трясет руку Орфея).* Настоящий герой, господа!

Эринии и Правила аплодируют.

(Отпустив, наконец, руку Орфея). Надеюсь, это не последняя наша встреча, господин герой?.. *(Профессору).* А где же наша милая мадемуазель Эвридика?

Профессор: Уже идет, господин Рейхсканцлер.

Рейхсканцлер: Прекрасно, прекрасно, господа... *(По-тирая руки, с застенчивой улыбкой оглядывает присутствующих).*

Короткая пауза.

Первая Эриния: Господин Рейхсканцлер. Пожалуйста. Скажите нам что-нибудь, господин Рейхсканцлер.

Вторая Эриния: Скажите, господин Рейхсканцлер.

Третья Эриния: Пожалуйста, господин Рейхсканцлер.

Рейхсканцлер *(застенчиво)*: Мне, право, не совсем удобно, господа. Я немного устал и к тому же мне кажется, что я сегодня, так сказать, не совсем в форме. *(Неуверенно).* Но если вы настаиваете...

Первая Эриния: Пожалуйста, господин Рейхсканцлер.

Одно из Правил: Сделайте нам такое одолжение, господин Рейхсканцлер.

Вторая Эриния: Скажите нам что-нибудь.

Рейхсканцлер вопросительно смотрит на Профессора.

Профессор: Конечно, господин Рейхсканцлер. Скажите нам что-нибудь, как вы это умеете.

Присутствующие негромко аплодируют. Короткая пауза. Заложив руки за спину и сделав по сцене несколько шагов, Рейхсканцлер останавливается, обведя присутствующих задумчивым взглядом. Аплодисменты стихают.

Рейхсканцлер (*тепло*): Господа!

Правила и Эринии подвигаются ближе.

(*Задумчиво*). Я часто спрашиваю себя, господа, – ради чего мы принимаем на себя это непосильное бремя трудов и подвигов, которое давно бы уже сломило дух менее стойкий и решительный?.. Зачем мы бросаемся в огонь, лезем под землю, переплываем моря или спускаемся в преисподнюю, вызываем на бой бездну, не зная ни сна, ни покоя, готовые пожертвовать всем, даже самой жизнью? (*Обведя присутствующих взглядом, берет за лацкан пиджака одно из Правил*). Ну, скажите мне хотя бы вы – зачем?

Правило (*скромно*): Мы не знаем, герр Рейхсканцлер.

Рейхсканцлер (*отпуская Правило*): А ведь здесь нет никакого секрета. Мы делаем это только затем, что у нас нет другого выбора. Затем, друзья мои, что в один прекрасный день Провидение взыщет с нас, если мы станем пренебрегать

его святой волей! (*Повышая голос*). Затем только, что у нас нет другой судьбы, кроме этой! (*Смолкает*).

Отец (*выкатившись вперед, с восторгом*): Браво, герр Рейхсканцлер!

Правила и Эрини аплодируют. Воспользовавшись этим, Орфей отступает к лестнице, затем, ступенька за ступенькой, начинает медленно подниматься на балкон. Короткая пауза.

Рейхсканцлер (*задумчиво*): И вот я часто думаю, — а кто же, если не мы с вами? Кто, если не мы, каждый на своем месте, с радостью вынося все тяготы и невзгоды, устремив взор в наше общее будущее, которое мы уже сегодня по праву называем своим? (*Кричит*). И кому еще можем мы доверить свою жизнь и судьбу, если не своему собственному сердцу и своим собственным рукам? На кого еще нам положиться, если не на самих себя? Кто, если не мы?

Правила и Эрини аплодируют. Орфей останавливается, дойдя до последней ступеньки лестницы.

Поэтому пусть каждый из вас ответит сам, — легкое ли это дело, ковать победу, в то время, когда земля уходит у тебя из под ног и враг уже готов нанести тебе смертельный удар?.. Но ради нашего будущего мы готовы вытерпеть и не такое!

Пусть льется грязь и свистят брошенные нам в спину камни, — мы все равно будем идти вперед, пока не достигнем своей цели, исполняя наш долг, который возложило на нас Провидения!..

Собравшиеся аплодируют. Короткая пауза.

(*Глухо*). Но как же они ненавидят нас, — эти жалкие, эти ничтожные людишки, погрязшие в пустых мечтах и нелепых фантазиях! Как же тяжело нам порой бывает идти, теряя друзей и близких и видя вокруг одни только гадкие, мерзкие, отвратительные рожи!.. (*Истукленно кричит*). Рожи! Рожи! Рожи!.. О, как они будут нас поносить и грозить нам вслед кулаками, перевирая наши слова и радуясь каждой нашей оплошности, каждому нашему неверному шагу, готовые разорвать нас, стоит нам оступиться!.. Слышите?.. Слышите? (*Озираясь, громким шепотом*). Слышите? (*Смолкнув, замирает*).

Правила и Эринии озираются по сторонам, прислушиваясь. Небольшая пауза.

(*Громким шепотом*). Этот шепот, идущий из всех дыр и щелей, этот злорадный смех, это шушуканье, которые сопровождают каждый наш шаг?.. О! Случись что, и все они будут показывать на нас пальцами и говорить: это не мы! Это не

мы! О, это не мы! Нет, нет! Мы только исполняли приказы. Мы только сидели дома и читали газеты. Мы только блудили, жрали эклеры, ездили на курорты и заставляли своих тупоголовых детей учить Катехизис. И будут швырять в нас грязью и поливать нас помоями. Гнать и клеветать. Оскорблять и унижать... (*Кричит*). О, Господи!.. Господи! Слышишь ли ты меня? (*Замирает, закрыв лицо руками*).

Пауза.

Одна из Эриний (*жалобно*): Господин Рейхсканцлер...

Рейхсканцлер (*рыдая*): О, Господи! (*Падает на колени, подняв в небо лицо и руки*). Господи!.. Если бы я верил в Тебя, то сказал бы Тебе: Господи! Ты знаешь сердце мое, потому что оно открыто Тебе и стучит в такт Твоим словам. Потому что лишь Ты один мне порука в том, что мы творим святое дело, которое приближает наше будущее!.. Только Ты один, Господи! Ты и ведущее нас Твое Провидение!.. (*Рыдает, закрыв лицо руками*).

Первое и Второе Правила (*бросаясь к Рейхсканцлеру и пытаясь поднять его*): Герр Рейхсканцлер!.. Герр Рейхсканцлер!..

Дав себя поднять, Рейхсканцлер продолжает рыдать.

Профессор (*Эриниям*): Успокойте, пожалуйста, госпо-

дина Рейхсканцлера (*Рейхсканцлеру*). Успокойтесь, успокойтесь, господин Рейхсканцлер. Будьте мужчиной.

Рейхсканцлер (*всхлипывая*): Не могу, герр профессор.

Эриния: Ах, зачем же вы нас так огорчаете, ваше высокопревосходительство? (*Взяв Рейхсканцлера за руку, осторожно ведет его к креслу*). Ну, разве можно так перегружать себя работой? Это просто преступление, господин Рейхсканцлер, просто преступление. (*Усаживая Рейхсканцлера в кресло*). Вам надо как следует отдохнуть и тогда все снова будет в порядке.

Короткая пауза.

Рейхсканцлер (*сквозь слезы, жалобно*): Ах, герр профессор, герр профессор!.. Вы благородный человек, герр Профессор. Благородный человек... Но если бы вы только знали, что чувствует сегодня это израненное сердце, когда цель так близка, что кажется, что еще немножко, еще совсем немножко... (*Закрыв лицо руками, заливается слезами*).

Эриния (*с состраданием*): Господин Рейхсканцлер, господин Рейхсканцлер... (*Обмахивает Рейхсканцлера платком*).

Пауза, в продолжение которой Орфей отходит вглубь балкона и скрывается за одной из дверей. Сразу же вслед за этим из соседнего номера появляется Эвридика. Держась за

перила, она не спеша спускается в зал по левой лестнице.

Рейхсканцлер: Благодарю вас. Спасибо. (*Достав платок, вытирает слезы, затем негромко, все еще умирающим голосом*). А вот, кажется, и наша мадемуазель Эвридика... (*Эринии*). Скажите мне, что я не ошибся.

Эриния: Да, господин Рейхсканцлер. Это она.

Рейхсканцлер вытирает лицо и громко сморкается. Обернувшись, присутствующие смотрят на спускающуюся Эвридику. Небольшая пауза.

Рейхсканцлер (*убрав платок, машет Эвридике рукой*): Мадемуазель Эвридика!... Мадемуазель Эвридика!... (*Неожиданно резво поднявшись с кресла, идет навстречу Эвридике, игриво*). Здравствуйте, милая мадемуазель Эвридика... Хотите знать, как говорят французы?.. Кто никогда не ждал женщину, тот не знает, что такое ожидание... Не правда ли? (*Смеется*).

Эринии и Правила негромко смеются.

(*Окружающим*). Не правда ли это очень остроумно, господа?

Окружающие одобрительно смеются. Короткая пауза.

(*Эвридике, живо*). А вы знаете, что это платье вам очень к лицу? (*Обернувшись, Профессору*). Не правда ли, господин Профессор?.. (*Эвридике*). Нет, нет, в самом деле. Очень мило... Вы прекрасно сегодня выглядите, милая.

Эвридика (*остановившись на последней ступеньке*): Спасибо, господин Рейхсканцлер.

Профессор (*Эвридике, холодно*): Вам следовало появиться десять минут назад.

Эвридика: Но мне надо было привести себя в порядок, господин Профессор.

Профессор: Если не ошибаюсь, у вас была для этого целая вечность. (*Понизив голос*). Я же просил, черт возьми, неукоснительно соблюдать все мои распоряжения.

Рейхсканцлер: Ну, ну, не ругайте ее. В конце концов, небольшое отступление от правил делу не повредит. (*Протягивает Эвридике руку*). Не слушайте его, мадемуазель. Он вечно ворчит и всегда всем недоволен. Уж такова старость. Ей вечно хочется всех учить и наставлять, и все это потому, что сама она уже ни на что не годится. (*Помогая Эвридике спуститься*). Какая у вас холодная рука, мадемуазель.

Эвридика: Я немного замерзла.

Рейхсканцлер: Да, это просто лед. Хотите я распоряжусь, чтобы вам принесли что-нибудь теплое?

Эвридика: Нет, господин рейхсканцлер, спасибо. Я сейчас согреюсь.

Рейхсканцлер (*ведя Эвридику по сцене*): Ах, молодость, молодость!.. Вечно она несется сломя голову, не разбирая дороги, не зная куда, занятая только своими фантазиями... (*Мечтательно*). Скажу вам по секрету, вы напоминаете мне одну прекрасную даму, которую я знал когда-то в Вене. Она любила повторять: «Ах, если бы я только была свободна, господин Рейхсканцлер!» (*Смеется*). «Если бы я только была свободна!..» (*Подводит Эвридику к стулу*).

Эвридика (*сидясь*): Наверное, она вас любила?

Рейхсканцлер: О! Не то слово. Безумно... Безумно. Любила, так сказать, в полном смысле этого слова. (*Обращаясь ко всем присутствующим*). Стоило ей увидеть меня, как с ней случалось что-то вроде припадка. Она могла смотреть на меня часами, словно загипнотизированная. Представьте себе. Я чувствовал себя так, словно меня рассматривают в микроскоп. И при этом всякий раз, когда мы прощались, она не уставала повторять: «Ах, если бы я только была свободна, господин Рейхсканцлер! Если бы я только была свободна!..» (*Смеется*).

Эвридика (*немного кокетливо*): Но ведь вы тогда, кажется, еще не были господином рейхсканцлером?

Рейхсканцлер: Разве?... (*Смеется*). Послушайте, а ведь и в самом деле... Почему-то я совершенно упустил это обстоятельство из виду. (*Смеется*).

Эринии и Правила негромко смеются.

(Неожиданно оборвав смех, серьезно). Но только знаете, что я вам скажу, милая мадемуазель Эвридика? *(Помедлив, глубокомысленно).* Иногда мне кажется, что я был им всегда. Всегда. С самого детства.

Пауза. Рейхсканцлер смотрит на Эвридику, потом, повернувшись, смотрит на Профессора, после чего вновь поворачивается к Эвридике.

Профессор *(вяло):* Браво, господин Рейхсканцлер. Браво. Браво. *(Негромко хлопает).*

Эринии и Правила сдержанно аплодируют.

Рейхсканцлер: Не правда ли, это даже немного странно?

Эвридика: Да, господин Рейхсканцлер, это, в самом деле, кажется немного странным.

Рейхсканцлер *(воодушевленно):* Не правда ли?.. Как будто тут чувствуется рука Провидения или что-то в этом роде. Что-то такое...

Эвридика *(издали):* Да, господин Рейхсканцлер. *(Вспоминая, задумчиво).* Мне кажется, что я что-то хотела вас спросить...

Рейхсканцлер *(возвращаясь на землю):* Спросить?.. Меня?.. *(Снисходительно посмеиваясь).* Ах, моя дорогая деточка...

ка... Нет, вы, наверное, даже и представить себе не можете, как это мило. (*Смеется*). Ах, молодость, молодость! (*Обращаясь к окружающим*). Представьте себе, господа, я еще ни разу не встречал ни одной представительницы прекрасного пола, которая рано или поздно не сочла бы возможным задать мне этот вопрос... Решительно ни одной, господа!

Эринии и Правила негромко смеются. Короткая пауза.

Бог знает отчего, но почему-то все они хотят знать, почему я, наконец, не свяжу свою жизнь с какой-нибудь трудолюбивой и рассудительной женщиной, способной разделить со мной все тяготы моего нелегкого существования. Так, словно у мужчины нет больше в жизни никаких других дел, кроме как завести семью и воспроизводить на свет себе подобных.

Эринии и Правила понимающе кивают.

(*Помрачнев, со вздохом, Эвридике*). Неужели вы действительно думаете, милая мадемуазель Эвридика, что кто-то сумеет вынести то немыслимое напряжение, который придется на долю мужчины, стоящего у кормила государственного корабля? Тем более, в годину испытаний, находясь, так сказать, в самом центре событий, от которых зависит наше с вами будущее, милая барышня?.. (*Решительно*). Никогда!..

Слышите, милая мадемуазель Эвридика?.. Никто и никогда!

Эринии и Правила негромко аплодируют.

Отец (*с чувством*): Браво, господин Рейхсканцлер!

Эвридика: Мне кажется, что я хотела вас спросить со-
всем о другом.

Рейхсканцлер (*задет*): О другом?.. (*Вопросительно
смотрит на Профессора, затем неуверенно*). Ну, конечно
же, мадемуазель... Пожалуйста. Спрашивайте. Я целиком к
вашим услугам.

Профессор (*вмешиваясь, твердо*): Как-нибудь в следующе-
й раз, господин Рейхсканцлер... Время к полуночи, а мы
все еще топчемся на одном месте. (*Эвридике, сухо*). Было бы
неплохо, если бы вы хотя бы немного приготовились к встре-
че.

Эвридика: Но я готова, господин профессор.

Профессор (*грубо*): Не уверен. (*Ко всем присутствующим*). Время, господа!

*Эринии и Правила, озираясь, тревожно прислушиваются.
Короткая пауза, в завершении которой на балконе появля-
ется Орфей.*

(*Негромко*). Внимание... (*Делает знак всем разойтись*).

Подойдя к левой лестнице, Орфей начинает медленно спускаться вниз. Правила поспешино скрываются за своей дверью, Отец исчезают в посудомоечной. Подобрав юбки и стараясь не шуметь, Эрини торопливо бросаются по правой лестнице наверх.

(Громким шепотом). Может быть, кто-нибудь догадается выключить свет, идиоты?

Одно из Правил поспешино бросается к выключателю. Сцена погружается в полумрак. Профессор и Рейхсканцлер медленно отступают к двери с надписью «Администрация» и исчезают за ней. На опустевшей сцене остается только одна Эвридика. Пока Орфей спускается по лестнице, она быстро вынимает из волос гребень и швыряет его в сторону, затем, распустив по плечам волосы, медленно идет к правой лестнице. Остановившись возле перил, она вполоборота смотрит на подходящего Орфея, который, спустившись в зал и мимоходом взглянув на Эвридику, садится на стул, к ней спиной. Немного подождав, Эвридика медленно возвращается, обходит стол и, улыбаясь и не сводя с Орфея глаз, садится напротив него. Пауза.

Эвридика (улыбаясь, тихо): Здравствуй, милый.

Орфей молчит.

(Зовет). Орфей!..

Орфей (не глядя не Эвридику, издалека): Здравствуй.

Эвридика (*тихо*): Здравствуй.

Короткая пауза.

Орфей: Ну, что – довольна? Все опять? С самого начала?

Эвридика: Ты рад?

Орфей: Просто прыгаю от счастья.

Эвридика: Глядя на тебя этого не скажешь.

Орфей: Неужели? (*Наконец смотрит на Эвридику*). А что скажешь?

Эвридика: Что ты меня забыл.

Орфей: На память не жалуюсь.

Эвридика: Какой же ты все-таки противный!.. (*Помолчав, негромко*). Лучше подумай, как это будет замечательно! Опять все с начала. Снова дышать полной грудью. Засыпать друг подле друга. Видеть одни и те же сны! (*Смеется*). Помнишь наш маленький итальянский ресторанчик, где подавали макрель в белом вине?.. Ну, тот, на горе?.. Сводишь меня туда?

Орфей: Сомневаюсь.

Эвридика: Ну, конечно же,водишь, дурачок. Только не говори, что он очень дорогой. Ведь мы пойдем работать, и у нас будет много денег.

Орфей: А вот это, кажется, уже что-то новенькое... И где же, интересно, ты собираешься работать?

Эвридика: Ни «где», а «кем». Ты будешь работать Орфеем... (*Негромко смеется*).

Орфей: А ты, значит, Эвридикой?..

Эвридика: С удовольствием, милый.

Орфей: Много этим не заработаешь.

Эвридика (*беспечно*): А зачем нам много? Нам и так будет хорошо. (*Смеется*). Ты ведь не забыл тетушку Фло, нашу соседку? Она всегда сидела на скамейке возле ворот, встречала нас, когда мы возвращались, и провожала, когда мы уходили. Помнишь?.. Каждый раз она говорила одно и то же: «Какая прекрасная парочка. Ну, точно голубки. Зачем им деньги?» (*Смеется, затем, помолчав, серьезно*). Ты скучал без меня?

Орфей (*озираясь по сторонам*): Знаешь. У меня такое чувство, как будто мы здесь не одни.

Эвридика: Плевать. Скучал или нет?

Орфей: Словно мы на сцене, где все глазают только на нас. (*Озирается*).

Короткая пауза.

Эвридика: Орфей...

Орфей: Что?

Эвридика: Ты скучал?

Орфей: Ну, что ты заладила, как попугай? Скучал, не скучал... Ты что, ослепла? Оглянись – весь мир пялится на нас. Вылупился, словно больше не на что смотреть. Жует, шумит попкорном и ждет, что будет дальше. А потом все пойдут домой, – сытые, довольные, тупые... Вон! Там. Там. Там... Везде!

Эвридика (*немного обижена*): И пусть себе смотрят на здоровье. Какая разница? Разве нам есть, что скрывать?

Орфей: В том-то и дело, что нам даже скрывать нечего.

Эвридика: Вот видишь. А кому нечего скрывать, тому нечего бояться... Тебе нравится мое платье? (*Встает и поворачивается*). Нравится?

Орфей: Не знаю.

Эвридика (*сидясь*): Раньше оно тебе нравилось. Я надевала его, когда мы ездили на острова. Помнишь, какая там была чудесная гостиница?

Орфей: Нет.

Эвридика: Конечно, ты помнишь. Резной потолок, старые венецианские зеркала, такие старые, что в них уже мало что можно было увидеть, кровать с такими смешными бронзовыми шишечками... (*Помедлив, тихо*). Орфей...

Орфей: Что?

Эвридика: Хочешь меня?

Орфей: Что?.. (*Резко*). Нет... То есть, нет. (*Решительно*). Нет.

Эвридика: Орфей...

Орфей: Да, нет же, нет, нет!

Эвридика: Совсем нет? А ты хорошо подумал? (*Медленно поднимается со стула*).

Орфей: Послушай...

Эвридика: Ты меня хочешь, но стесняешься. Да?

Орфей: Хочу, но стесняюсь?.. Нет. Я тебя и не хочу, и не стесняюсь... Нет. Не стесняюсь и не хочу... Черт! Стесняюсь и хочу... Чего, собственно говоря, мне стесняться?

Эвридика (*сидясь на край стола, спиной к зрительному залу. Повернув голову, смотрит на Орфея, тихо*): Орфей...

Орфей: Что?

Эвридика: Помнишь бирюзовые бусы, которые ты мне подарил?

Орфей (*осторожно*): Допустим.

Эвридика: А помнишь, как ты обматывал мне их вокруг щиколоток?

Орфей: Зачем?

Эвридика: Ну... (*Тихо смеется*).

Короткая пауза.

Орфей: Не помню.

Эвридика: Они были всегда такие прохладные и так громко стучали... (*Хрипло*). Орфей...

Орфей: Что?

Эвридика: Возьми меня.

Орфей (*вскочив*): Что?.. (*Резко*). Нет.

Эвридика: Возьми меня.

Орфей: Ты в своем уме?

Эвридика: Да.

Орфей: На нас смотрят.

Эвридика (*насмешливо*): В самом деле?.. А ты что думал? Что пьеса может идти без зрителей?.. Возьми меня, милый.

Орфей: Что, вот так? На глазах у всего мира? На столе? Освещенные софитами?.. Это будет похоже на хирургическую операцию.

Эвридика: Пускай. (*Откинувшись, ложится на стол*). Возьми меня.

Орфей: Ты это называешь «работой Орфея и Эвридики»? (*Отходит от стола и сразу возвращается. Сам с собой, в пространство, глухо*). Господи, если у тебя на пути камень, то его можно обойти. А если у тебя на пути не камень, а ты сам, то стороной это уже не обойдешь. Дудки. Можешь даже не пытаться. (*Пытаясь не смотреть на Эвридику, жестко*). Нет. Нет. Нет.

Эвридика: Увидишь — все сразу встанет на свои места. (*Протягивает к Орфею руки*). Ну, Орфей... Пожалуйста... Возьми меня.

Орфей: Да, что ты заладила: возьми, да возьми!.. Для этого нужны, по крайней мере, двое. Двое!

Одно из Правил (*выглядывая из приоткрытой двери*,

негромко): Трое, господин Орфей. (Исчезает).

Орфей (*быстро оборачиваясь*): Кто это сказал? (*Озира-
ясь*). Ты слышала?.. «Трое...»

*Лежа на столе, Эвридика молча поднимает и вытягива-
ет ноги.*

(*Отходит, не переставая озираться*). Похоже, без этого третьего здесь не обходится ничего. (*Внезапно кричит в сто-
рону дверей*). Я имел в виду совсем другое! (*Возвращается
к столу, негромко*). Черт меня дернул остаться... Трое. Чет-
веро. Пятеро. Весь мир. И со всеми надо поделиться. Со-
чувствием. Жалостью. Улыбкой. Радостью. Деньгами. Вни-
манием. Заботой. Временем. Самим собой... Чертова дыра!
Ни полминуты нельзя побыть одному. (*Кричит в темноту*).
Оставьте меня в покое!

Эвридика (*лежа, с поднятыми ногами, негромко*): Ты
когда-нибудь обращал внимание, что если вытянуть ступню,
то нога начинает выглядеть страшно благородно? (*Вытяги-
вает ступни обеих ног*). Посмотри... А если так, то получа-
ется просто какая-то ерунда. (*Подтягивает ступни, а затем
вновь их вытягивает*). Можешь это объяснить?

Орфей: Объяснить можно все.

Эвридика: Тогда объясни.

Орфей молчит.

(Раздвигая поднятые ноги). А вот так получается латинское «В». Виктория. Победа. (Повернув голову к Орфею). Видишь?

Орфей (хрипло): Нет.

Эвридика: Врешь! (Изловчившись, хватает Орфея за руку). Попался!..

Орфей: Пусти.

Эвридика (тянет к себе Орфея): Ну, пожалуйста, Орфей. Возьми меня. Сыграй на мне, как прежде... Помнишь? (Свистит какую-то мелодию).

Орфей (вырываясь): С таким слухом лучше сидеть дома.

Не отпуская его, Эвридика продолжает свистеть.

На кухне.

Эвридика: Сыграй на мне, милый. Где ты найдешь инструмент лучше?

Орфей: Когда-то я играл на флейте.

Эвридика: А теперь сыграй на мне. (Тянет к себе Орфея). Обещаю тебе, что не буду фальшивить.

Орфей (упираясь): Впрочем, это сильно сказано – играл. Скорее, это она играла на мне. Маленькая деревянная палочка с дырками... Да, пусти же! (Пытается вырваться). Она тянула из моих легких воздух и заставляла пальцы бегать по ладам, как ей только вздумается... (Сопротивляясь).

Вот как ты сейчас... (*Оказывается позади стола, за Эвридикой, которая сразу же проворно обхватывает его ногами*).
Пусти...

Эвридика: И не подумаю... Давай. Возьми меня, дурачок.

Орфей: Нет.

Эвридика: Да.

Орфей: Нет.

Эвридика: Да. Да. Да.

Орфей (*лаская Эвридику*): Нет. (*Стонет*). Нет! Нет. Пусти...

Эвридика: Да. Да. Да.

Орфей (*лаская Эвридику*): Я разучился. Забыл. Не хочу.

Эвридика: А я тебе напомню. И ты сразу захочешь.

Орфей: Господи, как все это глупо, глупо, глупо...

Эвридика: Может быть, только в начале. Но зато потом...

Отец (*выкатившись из одной из дверей. Громким, возмущенным шепотом*): Давай сынок! (*Первое и Второе Правила быстро вкатывают его назад*).

Орфей (*лаская Эвридику*): Она извлекала из меня такие звуки, о которых я даже не подозревал. Дудела в меня, как в иерихонскую трубу. Выворачивала наизнанку. Выжимала, как лимон. Иногда казалось, что вот-вот и она выдует меня всего. Выдавит. Высосет. Вытряхнет, как вытряхивают полойное ведро... Маленькое деревянное чудовище.

Эвридика (*стонет*): Орфей!...

Орфей (*кричит, наклонившись над Эвридикой*): Ты мне ответишь за все, шлюха!.. Шлюха! Шлюха! Шлюха!

Эвридика: Да! Да! Да! (*Хрипло*). Немедленно. Сейчас... Сейчас...

Орфей (*грубо лаская Эвридику*): За пустоту, которую ты мне оставляла взамен. За страх, приходящий под утро. За остановившееся время. За все. (*Кричит*). Шлюха!

Эвридика (*покорно*): Да.

Орфей: Дрянь!

Эвридика: Да.

Орфей: Потаскуха!

Эвридика: Да, да, да... Скажи что-нибудь еще.

Орфей: Обуза. Приживалка. Подстилка... Если бы ты только знала, как я тебе ненавижу!

Эвридика: Покажи, как ты меня ненавидишь. Ну, давай же, покажи... Как? Как? Как?..

Орфей: Вот так! Так! И еще так! (*Овладевает Эвридикой*).

Эвридика: Да! Да! Да!

Какое-то время они молча занимаются любовью. Слышны только тихое всхлипывание и стоны Эвридика. Одновременно из дверей медленно выходят Профессор и Правила; выкатывается Отец; наверху подходят к перилам Эринии. Все молча наблюдают, не подходя ближе. Орфей и Эвридика не

замечают их. Пауза.

(Тихо). Вот так. Так. Так... Видишь, милый, это совсем не трудно.

Орфей (не прекращая): Да, тебе-то откуда это знать, маленькая дура?

Эвридика: А разве трудно?

Орфей (в ярости): А разве нет?.. Нет?.. Ну, какая же ты все-таки шлюха!

Эвридика (теряя голову): Да, да, да!

Орфей: Жалкая приживалка.

Эвридика: Да!

Орфей: Дешевка.

Эвридика: Да!

Орфей: Ненасытная кошка!

Эвридика: Да!

Орфей: Тебе будет мало, даже если мне на помощь придет полк солдат!

Эвридика: Неправда. Мне достаточно тебя одного... Только тебя одного...

Орфей: Врешь! Тебе нужен не я, а Левиафан, дьявол, паровой каток!.. Все шлюхи мечтают об одном.

Эвридика: Нет!

Орфей: Да!

Эвридика: Нет!

Орфей (кричит): Да!.. Да!.. Да!.. Только представить, как

бы славно я тебя укатал, будь я паровым катком! Как бы я размазал тебя по этому столу, словно кусок теста!

Эвридика (*стонет*): Размажь меня!..

Орфей (*поднимая голову*): Отчего ты не сотворил меня катком, Господи? Кучей безмозглого железа! На худой конец – миксером! Чтобы я мог взбить эту дуру так, что от нее осталась бы одна только пена!

Эвридика: Взбей меня, милый! Ударь. Сломай мне палец.

Орфей (*задыхаясь*): Палец?.. Дрянь, дрянь, дрянь! Хочешь отделаться одним пальцем? Ну, уж нет. Нет... Я сделаю лучше... Ты слышишь? Просто возьму и не полезу за тобой в эту чертову преисподнею. Poiщи себе для этого другого дурака.

Эвридика: Только ты!

Орфей: Хочешь сказать, что ты меня не отпустишь? Нет?.. Не отпустишь? Будешь цепляться, виснуть, рыдать, жаловаться, липнуть, рассказывать сказки?

Эвридика: Да.

Орфей: Шлюха!

Эвридика: Да.

Орфей: О, Господи, какая же ты шлюха!.. (*В изнеможении опускается на Эвридику*).

Профессор, Отец и Правила подходят ближе. Эринии спускаются по ступенькам вниз.

Отец (страстным шепотом): Браво, сынок!.. Когда я был помоложе... (Одно из Правил быстро закрывает ему рот).

Пауза.

Эвридика (негромко): Теперь ты видишь, дурачок, как хорошо на мне играть.

Орфей молчит.

К тому же ты ни капельки не разучился. Ни одной фальшивой ноты.

Короткая пауза.

Орфей (поднимая голову и вытирая с лица пот): А ведь когда-то не она играла на мне, а я на ней... Маленькая деревянная палочка. Простая, как дуновение ветра...

Эвридика: Ты уже говорил.

Орфей (глухо): Мне кажется, что это было десять тысяч лет назад. (Без сил сползает с Эвридики и исчезает за столом).

Эвридика (спокойно): Какая, в сущности, разница?.. Ты, она. (Садится). Ты же знаешь. Важно только то, что получается в результате. Музыка.

Орфей (из-за стола) Что?

Эвридика: Музыка, милый.

Орфей на четвереньках выползает из-за стола и медленно ползет в сторону входной двери, опустив голову.

(Глядя вслед Орфею). Никто не станет спрашивать, кто на ком играл, милый. Поверь, это совершенно никому не интересно. Все любят слушать, а не спрашивать... Слышишь, дурачок?

Орфей останавливается и остается стоять на четвереньках.

(Со смехом). Ты похож сейчас на лошадку, которая убежала от хозяина... А ну-ка, поверти хвостом, лошадка!

Орфей (хрипло): Послушай... Это все, конечно, страшно глупо, но у меня не остается теперь никакого выбора... Я просто обязан теперь... Ты ведь знаешь, о чем я говорю.

Эвридика: Конечно, нет.

Орфей: Я говорю, что должен теперь на тебе жениться, и ты это знаешь.

Профессор, Отец, Правила и Эринии бесшумно аплодируют. Короткая пауза.

Эвридика: Ты помнишь, у сестры был такой маленький аравийский пони? Очень выносливый. Мы катались на нем вчетвером.

Орфей *(негромко)*: Я сказал – «жениться».

Эвридика: Что?.. Ах, это. *(Неуверенно)*. Это... любопытно. *(Запнувшись, смотрит, обернувшись, на Профессора, который делает ей какие-то знаки)*. Вернее, я хотела сказать, что это вовсе не обязательно. *(Холодно)*. В конце концов, это всего только пустая формальность. Причина для того, чтобы пригласить в гости сразу всех друзей и знакомых. Вот и все.

Орфей: Да?

Эвридика: А ты, что думал?.. Ну, конечно. Шум, танцы, дым. И, наконец, целая гора грязной посуды под утро. Ужасная грязная гора, которая хочет отнять у тебя последние силы.

Орфей: На самом деле, ты так не думаешь.

Эвридика: Еще как думаю, милый. *(Соскочив со стола и поправляя платье, почти сердито)*. Целый Монблан грязной посуды. Тарелки с прилипшими окурками. Обьедки, крошки, застывший жир. Сальные салфетки. Стаканы со следами губ. Скатерти, залитые вином и соусом. *(Подходит к Орфею и, не переставая говорить, садится на него)*. Липкий пол под ногами. Использованные зубочистки. Сдвинутая мебель. И куда ни пойдешь – всюду храпят пьяные родственники... *(Запустив в волосы Орфея пальцы)*. Но-о, лошадка!..

Короткая пауза.

Орфей: Так, значит, только формальность?

Эвридика (*беспечно*): Конечно, милый. (*Оглянувшись на Профессора, негромко*). К тому же от тебя здесь уже ничего не зависит. (*Наклонившись и обнимая Орфея за шею*). Знаешь, где заключаются браки?

Орфей (*язвительно*): Неужели на небесах?

Эвридика: Вот именно. (*Пытается поцеловать Орфея*).

Орфей (*уворачиваясь*): А мне почему-то кажется, что все-таки в преисподней.

Эвридика (*лаская Орфея*): Ах, ты маленький, глупый дурачок! Неужели ты все еще отличаешь одно от другого?

Орфей: А ты, нет? Если бы я не отличал, то давно бы уже дал деру. Не остался бы здесь ни одной лишней минуты.

Эвридика: И куда бы ты побежал? В Афины? Или в Коринф? (*Зарывшись лицом в волосы Орфея*). Никуда ты уже не денешься, глупый. Останешься со мной. Так написано во всех книгах. Глупой лошадке некуда бежать.

Орфей: А вот это еще неизвестно.

Эвридика: Все давным-давно известно, дурачок. Потому что, если небеса нельзя отличить от преисподней, значит бежать уже некуда... Что, съел?

Орфей поворачивает голову, собираясь что-то сказать.

(*Быстро останавливая Орфея*). Нет, нет, милый... Это справедливо даже тогда, когда преисподняя уже ничем не отличается от небес. Ты ведь, наверное, это хотел сказать?.. Видишь, я все про тебя знаю. (*Быстро закрывает Орфею ладонью рот*). Только молчи, а то опять наговоришь глупостей... Некуда, значит некуда.

Орфей молча отворачивается. Короткая пауза.

Ах, дорогой, ну откуда у вас у всех такая глупая страсть к путешествиям? Просто какой-то ужас! Тебе разве плохо со мной? (*Лаская Орфея*). Вспомни хотя бы Одиссея. Сколько ему пришлось пережить. И все ради чего? Ради смешной страсти к перемене мест? А что в результате? Ты помнишь? Он все равно вернулся.

Присутствующие беззвучно аплодируют.

Орфей (*запальчиво*): Да, если хочешь знать, ему бы и в голову не пришло возвращаться, если бы не этот слепой дурак, который написал о нем свою жалкую книгу!

Эвридика: Лошадка опять сердится!..

Орфей: Старый олух, который пятьдесят лет придумывал чужие жизни, потому что никогда не имел своей!

Эвридика (*тихо смеясь и лаская Орфея*): Между про-

чим, он сделал его счастливым.

Орфей: Есть чему радоваться.

Эвридика (*мурлычет*): А разве нет? (*Ласкает Орфея*).

Орфей (*негромко*): Ну, еще бы... Конечно... Одиссей вернулся. Икар упал и сломал себе шею. Беллерофонт сошел с ума. Иов умер от обжорства. Пожалуй, нам тоже найдется местечко в этой компании. Какая радужная перспектива! А какой богатый выбор, черт возьми! Сгореть, утонуть, повеситься, не дойти, не достучаться, кричать от боли и унижения, – и все потому, что какому-то самодовольному ослу однажды вдруг пришла охота заняться бумагомаранием!.. Тьфу!

Эвридика (*серьезно*): Зато у нас опять будет медовый месяц. Ты забыл? Мы поедем на Крит. В Фест. Или какую-нибудь деревушку на побережье. Будем кататься на лодке и загорать на горячей гальке, а вечером станем пить красное вино и слушать музыку.

Орфей: А что потом?

Эвридика: Потом мы нарвем огромный букет и поставим его в нашу комнату, на столике, рядом с кроватью... Помнишь, какие огромные розы росли по дороге в Фест?

Орфей: Я спрашиваю, что потом?

Эвридика (*тихо*): Давай не будем об этом.

Орфей (*кричит*): А о чем?

Эвридика: Не знаю. (*Тихо*). Мы могли бы попробовать завести детей.

Орфей (*изумлен*): Детей?.. Ну, какая же ты все-таки дура.

Эвридика: Пускай. (*Бесстыдно*). Зато я кое-что умею.
(*Ласкает Орфея*).

Орфей: То же, что и все.

Эвридика: Гораздо лучше.

Орфей: Не уверен. Я знал и получше.

Эвридика: Ну и пусть. Зато, посмотри, какая разница. Меня будут помнить даже тогда, когда от других не останется даже имен.

Орфей: Да ты просто тщеславная сучка!.. (*В ярости пытающаяся сбросить Эвридику*). Слезай!

Эвридика (*вцепившись в Орфея*): Повтори еще раз.

Орфей: Сучка. Шлюха. Подстилка. Слезай!

Эвридика: И не подумаю.

Орфей пытается сбросить Эвридику.

(*С трудом удерживаясь*). Какая же мне попалась необъезженная лошадка!...

Опрокинувшись на бок и повернувшись, Орфей оказывается сверху Эвридики. Несколько мгновений они молча смотрят друг на друга.

(*Дотрагиваясь до щеки Орфея*). Тебе очень идет, когда ты сердишься... Хочешь меня ударить?

Орфей: Заруби себе на носу. Тебя будут помнить только потому, что нашелся дурак, который полез за тобой в преисподнюю. Слышишь?.. Только поэтому. Никаких других причин, чтобы тебя помнить – нет!

Эвридика: А как насчет тебя, дурачок?

Орфей: Что насчет меня, дурочка?

Эвридика: Такая бедная лошадка...

Орфей: Хватит называть меня лошадкой!

Эвридика: Бедная лошадка. Ведь тебе тоже повезло. Если бы не я, о тебе, наверное, тоже никто бы и никогда не вспомнил.

Несколько мгновений Орфей молча смотрит на Эвридику, затем дает ей пощечину.

(Изумленно). Ты меня ударил!

Орфей: Ты на редкость наблюдательное животное. *(Отпускает ей вторую пощечину).*

Эвридика: Ай!.. Вот уж не думала никогда, что ты такой мазохист.

Орфей дает ей третью пощечину.

Ай!.. Бьешь меня, а попадаешь в себя.

Орфей дает ей четвертую пощечину.

И тебе это нравится.

Орфей дает ей пятую пощечину.

Нравится! Нравится! Нравится!

Орфей: Я тебя убью.

Эвридика: А значит и себя.

Орфей: Плевать! Плевать! Плевать!.. Все равно, ты – ничто! Кусок земли. Кукла.

Эвридика: Как и ты.

Орфей (*не сразу, устало*): Какая милая парочка...
(*Смолкает*).

Небольшая пауза. Орфей и Эвридика молча смотрят друг на друга.

(*Негромко*). Не хочу, чтобы обо мне помнили.

Эвридика: Поэтому ты меня бьешь?

Орфей (*не слушая*): Весь этот сброд, без конца переска-
зывающий мою историю, так словно у них нет собственной
жизни... Одни и те же слова. Одинаковые выражения лиц.
Заученные жесты. Дерьмо.

Эвридика: А я тут причем?

Орфей (*кричит*): А я?

Эвридика: И ты.

Орфей: Не хочу.

Эвридика: Думаешь, кого-то это интересует?

Орфей (*упрямо*): Не хочу.

Эвридика: Теперь уже ничего не поделаешь, милый. Придется привыкать. Куда ты, туда и я. Заговорят о тебе и сразу вспомнят меня. Скажут «Орфей» и немедленно добавят «и Эвридика». А ты как думал?

Орфей: Похоже, тебе это нравится.

Эвридика (*почти с раздражением*): Знаешь, меня об этом тоже никто не спрашивал.

Орфей: Я тебя спрашиваю.

Эвридика: Послушай, ну, какая, в конце концов, разница?

Короткая пауза. Орфей смотрит на Эвридику.

(*Негромко*). Мне это нравится.

Орфей: Видишь, какая ты сука.

Эвридика: Уж, какая есть.

Профессор подходит и осторожно дотрагивается до плеча Орфея.

Орфей (не оборачиваясь, резко): Что вам?

Профессор: Время, господин Орфей. Пора закругляться.

Отпустив Эвридику, Орфей садится на пол. Эвридика поднимается, расправляя свое платье. Короткая пауза.

Эвридика (*в пустоту*): Пойду, приведу себя в порядок. (Делает несколько шагов в сторону одной из дверей, затем остановившись, оборачивается и вопросительно смотрит на Профессора).

Профессор делает вид, что не замечает ее.

Рейхсканцлер (*вполголоса*): Герр профессор... (Кивая в сторону Эвридики).

Профессор: Что?.. Ах, да. (*Эвридике, хмуро*). Должен признать, что за исключением некоторой отсебятины, все остальное было, на этот раз, более-менее сносно. (*Громким шепотом*). А теперь займитесь своими делами и не мозольте мне, пожалуйста, глаза.

Эвридика уходит, независимо покачивая бедрами. Профессор смотрит ей вслед, затем поворачивается к сидящему на полу Орфею.

(*Сухо*). Мои поздравления, господин солдат.

Орфей молчит.

(Негромко). А заодно уж, как водится, и соболезнования... (Помолчав, немного насмешливо). Ничего не поделаешь, господин солдат. Уж так устроено, что одно редко когда обходится на этой земле без другого.

Отец (подъезжая): Мои поздравления, сынок. Ты выглядел просто великолепно.

Эринии и Правила сдержанно аплодируют.

(Профессору). А какой, скажите на милость, удачный выбор! (Посмеиваясь). Знаете что, господин профессор?.. Мне кажется, это хорошо было бы, так сказать, отметить.

Профессор (Отцу, холодно): Без вас мы, конечно, никогда бы не догадались. (Ко всем присутствующим, громко). Минуточку внимания, господа!.. (Дождавшись, когда стихнет шум). Учитывая то обстоятельство, что господин Рейхсканцлер обладает среди прочего также полномочиями заключать и расторгать браки, свадебные торжества начнутся сразу же после того, как будет заключен брачный союз между мадмуазель Эвридикой и мсье Орфеем.

Эринии и Правила аплодируют. Рейхсканцлер кланяется.

Поэтому, госпожи Эринии, попрошу вас, пожалуйста, быстро марш на кухню! Господа Правила, займитесь посудой

и сервировкой. Стол поставьте на балконе, стульев должно хватить. Да, и не забудьте поднять наверх господина лауреата, иначе он изведет нас всех своими бесконечными советами. (*Повернувшись к Орфею*). Еще раз, мои поздравления, господин Орфей.

Рейхсканцлер: И мои, господин Орфей... Можете быть уверены в моем искреннем и глубоком расположении.

Эринии и Правила аплодируют. Орфей молчит.

Профессор: Я полагаю, что у вас не больше часа, господа. (*Пропустив Рейхсканцлера вперед, уходит вместе с ним*).

Короткая пауза.

Первая Эриния (*проходя мимо сидящего на полу Орфея, негромко*): Наши поздравления, господин Орфей.

Остальные Эринии (*вполголоса*): Наши поздравления, господа солдат.... Наши поздравления. (*Уходят одна за другой*).

Правила (*проходя мимо Орфея*): Наши поздравления... Наши поздравления... Наши поздравления... (*Уходят*).

Сцена пустеет. Орфей остается сидеть на полу один. Свет гаснет.

Часть вторая

Те же декорации. На балконе, за столом заканчивается свадебный обед. Оттуда доносятся голоса и смех. Нижний зал погружен в полумрак, здесь горит только одна лампочка над баром. По правой лестнице медленно спускается Орфей. Он доходит почти до конца лестницы, затем садится на ступеньки, достает губную гармошку и негромко наигрывает «Лили Марлен». Пауза, в завершении которой на сцене появляется Вергилий. Он спускается по той же лестнице и садится несколькими ступеньками выше Орфея. Не замечая его, Орфей продолжает играть. Пауза.

Вергилий (*напевает*): Возле казармы, в свете фонаря, кружатся попарно листья сентября...

Обернувшись к Вергилию, Орфей продолжает играть.

(*Напевает*). Ах, как давно у этих стен я сам стоял, стоял и ждал, тебя, Лили Марлен... (*Негромко*). Вам надо бежать, господин Орфей.

Орфей продолжает играть.

Слышите? Немедленно

Перестав играть, Орфей молча смотрит на Вергилия. Короткая пауза.

Ну, что вы так на меня смотрите, как будто я предлагаю вам пойти и повеситься? Все, что я сказал, это то, что вам надо немедленно бежать отсюда.

Орфей: Вы это серьезно?

Вергилий: Да, господин Орфей. Пока еще не поздно.

Орфей: Наверное, вы сошли с ума, господин Вергилий... Хотите, чтобы я дал деру прямо из под брачного венца? На глазах у изумленных гостей?.. *(С усмешкой)*. Боюсь, господину рейхсканцлеру это не понравилось бы. Да и остальным тоже. *(Продолжает негромко играть)*.

Небольшая пауза.

(Прекратив играть, резко). Вы, что, в самом деле, думаете, что кто-то может убежать из своей собственной шкуры?.. Выбраться из собственной истории? Надуть свою собственную судьбу?.. Перехитрить свою тень?.. Черта с два, господин классик, черта с два!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.